

ЭКСПАНСИЯ

[РУИГАТ]
ПРЫЖОК

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Руигат

Роман ЗЛОТНИКОВ

Руигат. Прыжок

«АСТ»

2014

Злотников Р. В.

Руигат. Прыжок / Р. В. Злотников — «АСТ», 2014 — (Руигат)

Этот мир отделяют от их родной планеты сотни и тысячи световых лет. Их выдернули из самого пекла страшной войны. Войны, на которой все они, скорее всего, погибли. Старший лейтенант НКВД. Майор СС. Мастер-сержант морской пехоты США. Японский адмирал, лично разработавший план нападения на Перл-Харбор. Враги в прежней жизни. Соратники поневоле. Друзья по зову сердца. Четыре земных воина, перед которыми стоит небывалая задача: снова научить цивилизацию, тысячи лет назад добровольно отринувшую любое проявление насилия, сражаться и побеждать.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Роман Злотников

Руигат. Прыжок

© Р. Злотников, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«Капля» неслась высоко в атмосфере. От нижней точки серебристого корпуса этого совершенно обычного транспортного модуля Киолы, миллионы каковых постоянно сновали в верхних слоях атмосферы планеты, являясь наиболее распространенным средством доставки самых различных грузов, до проносившийся под ним со скоростью нескольких звуков поверхности моря было более десяти суэлей. «Капля» шла обычным транспортным коридором, исполняя обычный транспортный рейс с одного материка на другой. Транспортировка продукции одного из заводов-автоматов. Так, во всяком случае, сообщила бы зарегистрированная полетная карта любому, если бы кому-то пришлось бы в голову поинтересоваться ее содержанием. Впрочем, зачем бы кому бы то ни было интересоваться этим? Обычный груз, обычный маршрут, что может быть интересного? Вот никто и не интересовался. Тем более что все, кому действительно могло прийти в голову поинтересоваться этим, в данный момент находились как раз внутри этой «капли»...

– И все-таки я не понимаю, адмирал. Вы изначально знали, что все пойдет именно так? – сердито спросил майор.

Ямамото вежливо улыбнулся.

– У меня было три варианта действий, – спокойно начал он. – Первый, самый предпочтительный, но и наименее вероятный, это то, что все пойдет по нашим согласованным и обсужденным планам. И мы успеем подготовить достаточное количество людей, снаряжение, вооружение и остальное, после чего высадимся на Олу в самый выгодный для нас момент. – Адмирал сделал паузу, ожидая вопроса, и немец его не обманул.

– То есть все это время мы действовали по вашему плану, который вы сами считали практически невыполнимым?

Адмирал согласно смежил веки:

– Да, это так.

– Так какого черта?! – взвился Скорцени.

– Эй, полегче. – Русский опустил ему руку на плечо. – Отто, не показывай характер. Здесь тебе не курсанты. К тому же ты не дослушал.

Немец боднул соратника злым взглядом, но замолчал. Как бы там ни было – русский был прав. Так что адмирал выждал еще минуту, проверяя, окончательно ли стихли эмоции, и продолжил:

– Но, хотя я лично считал это план невыполнимым, какие-то шансы на то, что все пройдет именно так, как мы спланировали, все-таки имелся. А этот вариант, как я уже говорил, был наиболее предпочтительным. Вдруг бы нам сильно повезло? Ну, как моей стране в войне тысяча девятьсот четвертого года или при Перл-Харборе? – Адмирал улыбнулся. Однако три остальных его собеседника продолжали серьезно смотреть на него, ожидая продолжения.

– Второй вариант мы пытаемся воплотить в жизнь сейчас, – снова продолжил Исороку. – Конечно, он хуже. В первую очередь тем, что мы не успели – и, совершенно точно, не успеем до момента начала активной фазы проекта на Оле – подготовить достаточное количество личного состава, но в чем-то, в каких-то деталях он даже и более выгоден и удобен нам, чем первый. Например, все подготовленное нами вооружение, снаряжение и имущество сейчас собрано в одном месте, хотя разрабатывалось и производилось это по всей планете. И в случае успешного продвижения первого варианта, нам бы было довольно затруднительно осуществить скрытое сосредоточение такого объема материальных ценностей. Так что пришлось бы постоянно делать выбор, чему отдавать предпочтение – поддержанию необходимого уровня секретности или соблюдению графика перебросок. И я далеко не уверен, что мы бы каждый раз делали верный выбор... – Адмирал опять улыбнулся. – А так – все изготовленное сосредоточенно в одном

месте, кроме того, там же находятся и макеты, и прикладные программы, и даже некоторый набор производственных мощностей. То есть комплексы, производственный процесс которых жестко приспособлен только лишь для производства разработанных нами образцов вооружения и снаряжения. – Адмирал улыбнулся в третий раз. – Симпоиса, а вернее Желтый Влим, тщательно позаботились, чтобы все доказательства гнусного преступления Алого Беноля были под рукой.

– И что нам это дает? – озадаченно наморщив лоб, спросил Банг.

– Грузиться легче, – усмехнувшись, сообщил, как обычно, догадавшийся обо всем первым из троих собеседников адмирала, Иван. На лице американца тут же появилось ошарашенное выражение, а затем он хлопнул себя по коленке и восторженно выругался.

– Ну, адмирал, ну голова! – Банг покачал головой. – Это ж надо было так их развести! А еще говорят, что самые хитроумные это мы – евреи.

Ямамото гордо склонил голову в легком полупоклоне и закончил:

– Как видите, разработанный мною второй вариант наших действий привел к тому, что наш проект не остановлен и продолжает успешно развиваться. Причем, благодаря нашему другу и воспитаннику, даже несколько более удачно, чем я планировал. – Тут адмирал бросил благодарный взгляд в дальний конец «капли», в котором, тесно прижавшись друг к другу, сидели двое – сильный, гибкий мужчина и стройная, прекрасная женщина. Сидели и молчали... Впрочем, нет, судя по тому, как переплелись их руки, как смотрели друг на друга их глаза, они говорили друг с другом. Жадно, взахлеб. Просто не словами. Все четверо некоторое время со странным умилением рассматривали этих двоих, а затем майор, опомнившись первым, решил вернуть остальных к обсуждению и спросил:

– А третий вариант?

– Третий вариант, – ответил адмирал, – заключается в том, что наш противник... я думаю, мы можем дать Желтому Влиму, – Впрочем, не ограничиваясь им одним, а понимая под этим всех, кто попытается помешать нам исполнить свое предназначение, такое определение, – начнет действовать непредсказуемо.

Он замолчал. Три пары глаз еще некоторое время продолжали молча буравить его, пока наконец Банг не выдержал и не прорычал:

– И что тогда?

– Не знаю. – Адмирал пожал плечами. – На этот случай я подготовил себе возможность перейти на нелегальное положение, на котором надеялся собрать всю возможную информацию, после чего приступил бы к выработке, а затем и осуществлению нового плана.

Все молча кивнули, соглашаясь. Все понятно. Все четверо уже давно были не новичками и прекрасно знали, что даже на уровне командира отделения или, там, взводного, глупо и даже смертельно лезть в бой на одной голой эмоции, просто «за своих». А уж на более высоком-то... Так что план адмирала перейти на нелегальное положение ему одному никого не напряг. Тем более что ни жизни, ни здоровью любого из них на этой планете ничто не угрожало.

– Ладно, – энергично кивнул спустя некоторое время майор, – наши дальнейшие действия?

Адмирал повернул голову и посмотрел на еще одного пассажира грузовой «капли». Он торчал в противоположенном от уже упомянутой парочки углу грузового отсека и, злобно сверкая глазами, пялился на тех двоих.

– Сначала я хотел бы побеседовать с нашим вновь обретенным соратником, – с легкой усмешкой произнес он. И все трое так же усмехнулись. Немец презрительно, русский весело, а американец злорадно. Ну а Ямамото поднялся и двинулся в сторону упомянутого пассажира.

Майор проводил его взглядом. После чего развернулся к русскому, легким движением доставая из-под обшлага комбинезона потрепанную колоду карт. Ямамото пристрастил их к картам еще тогда, когда они только разрабатывали свой проект. Он утверждал, что такие игры

как бридж, покер, а так же шогги и го, помогают вырабатывать интуицию, способность контролировать и анализировать несколько параметров одновременно, реакцию и стратегическое мышление. Впрочем, в лагере они чаще играли в го, но после лечебного изолятора ни доски, ни камней под рукой не было. А вот карты у майора сохранились. Никакого обыска при помещении их в изолятор никто не устраивал.

– Перекинемся?

– Нет. – Старший лейтенант мотнул головой и откинулся на спину. – Я – пас. Сосну минуток сто, пока есть возможность. Кто его знает, чего там придумает наш адмирал? Может, сразу после прибытия нам придется носиться сутками, причем высунув язык, без сна и отдыха.

Скорцени задумался, бросил взгляд на колоду, потом на сержанта и кивнул. Да уж, такое было более чем вероятно.

– Разумно. Я тогда, пожалуй, тоже последую твоему примеру, – заявил он, убирая карты и пристраиваясь поудобнее к изогнутому борту «капли». А Банг, уже сразу расположившийся со всеми удобствами, так что ему не было никакой необходимости менять положение тела, смотрел на своих двоих соратников с каким-то странным, непонятным даже ему самому умилением, вспоминая, с чего все началось.

* * *

Они появились на этой планете три года тому назад. Этот мир отстал от их родной планеты Земля на сотни и тысячи световых лет. Их выдернул из самого пекла страшной войны величайший ученый этого мира – Алий Беноль. Не их самих, а их... суть, души, разум, – короче, нечто бестелесное, что позволило воссоздать их самих здесь, на Киоле. Воссоздать, поскольку, скорее всего, там, на Земле, все они погибли. Потому что по расчетам Беноля корректное «снятие» отпечатка этой самой сути, души или как оно там должно называться, было возможно только в момент некоего сильного всплеска, который Беноль и связывал со смертью. Конечно, это были всего лишь расчеты, не подтвержденные экспериментами, во всяком случае, достаточно корректными для того, чтобы их результаты можно было бы посчитать доказательными. Но сам факт того, что из нескольких сотен попыток снятия таких отпечатков, успешный результат был достигнут всего четыре раза, давал все основания считать их правильными. Да что там расчеты, мастер-сержант Джо Розенблюм совершенно точно знал, что он убит...

Беноль вытащил их потому, что перед цивилизацией, к которой он принадлежал, во весь рост встала проблема, которую он лично посчитал непреодолимой без помощи извне. Дело в том, что несколько тысячелетий назад эта цивилизация сделала серьезный выбор, провозгласив полный отказ от какого бы то ни было насилия, следствием которого явилось постепенное прекращение всяческой экспансии и отступление этой цивилизации обратно в изначальную систему. Где она и «закуклилась», тихо и уютно увядая, но не замечая этого, поскольку это увядание затянулось на столетия. Тем более что на первый взгляд никакого увядания не было. Люди жили совершенно свободно и счастливо, не зная насилия, болезней, серьезных конфликтов. И лишь Потеря заставила эту стагнирующую цивилизацию содрогнуться и ошеломленно посмотреть вокруг...

«Закукливание» цивилизации Киолы, как называлась планета, на которой, благодаря эксперименту, появились четверо землян, привело к тому, что к моменту Потери вся эта цивилизация занимала лишь две планеты родоначальной системы. Одна из них – Ола, являлась прародиной этой цивилизации, а вторая – Киола, колонизированным миром, практически полностью повторяющим геоклиматические условия Олы. И вот в этот дремотный мирок откуда-то извне, из далеких глубин космоса, внезапно вторглись чужаки. Чужаки в отличие от хозяев не отрицавшие насилия и не отказавшиеся от экспансии. Причем, осуществляющие ее с равнодушным пренебрежением к правам и наклонностям хозяев. Первым и самым значимым результатом

этого контакта, стало то, что Ола, родина, колыбель цивилизации, была потеряна. Да и Киола смогла отбиться лишь чудом, ибо никакого вооружения и иных средств защиты у этой цивилизации просто не существовало. Как, впрочем, и психологической готовности их применить. Так что даже те, кто смог, защищаясь, использовать сфокусированные потоки энергии, чтобы уничтожить двигавшиеся уже в сторону Киолы корабли врагов, совершив это, просто сошли с ума. Ведь им пришлось совершить насилие, да еще такое, которое привело к смерти Деятельного разумного! Множества Деятельных разумных! Поэтому Алому Бенолю стало ясно, что без помощи извне ни о каком возвращении Потери не может идти и речи. Впрочем, возможно, это стало ясно не одному Бенолю, но остальные, как разумные люди, ясно осознавали гигантские трудности, которые необходимо преодолеть даже только для того, чтобы хотя бы просто попросить помощь. Поэтому они, планомерно рассмотрев этот вариант и придя к выводу о его полной неосуществимости, просто выкинули подобные мысли из головы. А вот Алый Беноль – нет.

Первая встреча тех, к кому великий ученый Киолы собирался обратиться за помощью, закончилась дракой, да что там дракой, настоящим боем, во время которого противники из всех сил старались убить друг друга. Голыми руками, поскольку никакого оружия у них в тот момент не оказалось. А что еще можно было ожидать от встретившихся лицом к лицу русского офицера войск НКВД, немца эсэсовца, американского еврея и японского адмирала, лично разработавшего план нападения на Перл-Харбор? Да еще только-только и вырванных из самого пекла войны. Так что первая попытка Алого Беноля привлечь их к сотрудничеству в рамках своего проекта разлетелась, так сказать, вдребезги пополам.

Однако по прошествии некоторого времени, после того как все четверо окунулись в общество Киолы и некоторое время пожили в нем, всем им стало ясно, что тот проект по возвращению Потери, которая продолжала оставаться кровоточащей раной всей Киолы, не принесет ничего, кроме новой потери. Причем, не менее, а как бы даже не более кровоточащей, чем первая. Потому что та, первая, случилась неожиданно, и вина за нее, лежащая на самой цивилизации, для большинства населения была неочевидна. Ну, как же, они же во всем следовали самой верной и самой гуманной цивилизационной парадигме, точно и верно сформулированной великим Белым Эронелем! Кто же мог знать, что спустя тысячелетия они столкнутся с таким?! Совсем как когда-то Европейский Запад, пройдя извилистый путь, полный крови, и переварив племена и народы, разрушившие древнюю Римскую империю, наконец-то обратился к истинно христианским ценностям и дремотно замер в стремлении достичь благодати... До того момента пока на немецком, английском и французском побережьях не спрыгнули с бортов драккаров косматые варвары в рогатых шлемах, и не застучали по мостовым городов бывших североафриканских и испанских провинций бывшей Римской империи копыта арабских скакунов. Как оно всегда и случается с цивилизациями, обменивавшими стойкость и готовность отвечать насилием на насилие, на комфорт и кажущуюся безмятежность жизни. Европа ответила на этот вызов появлением образа рыцаря, христианского воина, способного беспощадно разить врагов, но связанного обетами и моральным кодексом, отличающим его как от обычного воина-варвара, так и от наемного солдата, соблюдение коего как бы освящало его способность причинять насилие. Киола – появлением Избранных, которые, однако в отличие от рыцарей по-прежнему отвергали насилие. И лишь четверо землян, неожиданно, – в том числе и для себя самих, – появившихся на Киоле, могли понять, насколько этот рожденный цивилизацией Киолы инструмент не соответствует предложенным условиям задачи...

* * *

Адмирал подошел к сидящему в дальнем конце грузового отсека «капли» человеку и опустился на корточки. Некоторое время оба молчали: адмирал – глядя на человека, а тот – демонстративно отвернув голову и уперев взгляд в вогнутый изнутри борт «капли».

– Что вам от меня надо? – наконец не выдержал одинокий, разворачиваясь к адмиралу и окидывая его высокомерным взглядом.

Ямамото вежливо улыбнулся:

– Я бы хотел обсудить с вами некоторые интересующие нас вопросы.

– Я ничего не буду с вами обсуждать. Я ничего не обсуждаю с больными! А еще я могу пообещать, что едва только я доберусь до ближайшего терминала, как сделаю так, что всех вас направят на комплексную реабилитацию. С лишением статуса Деятельного разумного. – И помощник главы Симпоисы Темлин рефлексивно ухватился левой рукой за правую, которая до сих пор сильно ныла после того, как майор Скорцени, взял его руку на болевую.

– Да, – Исороку согласно кивнул, – это возможно. Мы такого тут у вас наворотили за последнее время, что только этого и заслуживаем. – Тут адмирал сделал короткую паузу, а затем вкрадчиво поинтересовался: – А вы, уважаемый Темлин?

– А что я? – недоуменно вскинулся тот.

– Ну, как же. – Лицо адмирала снова расплылось в улыбке. – Выдача постороннему лицу сведений, составляющих тайну Симпоисы. Непресечение, более того, сохранение в тайне недостойных действий Деятельного разумного, угрожающих жизни и здоровью иного Деятельного разумного, да еще в корыстных целях! Не говоря уж о совершенно недопустимом лишении Деятельного разумного права на свободное передвижение. – Адмирал сокрушенно покачал головой. – Даже не представляю, на какие меры вынуждена будет пойти Симпоиса по отношению к вам.

– Ка-ка-как угрожающих жизни и здоровью? – проблеял помощник главы Желтого Влима.

– А вы как думали? – вскинул брови Ямамото. – Медики назначили Деятельному разумному Ликоэлю индивидуальную реабилитацию, одной из ключевых параметров которой была строгая изоляция больного. А вы что?

– Что?

– Вы деятельно способствовали тому, чтобы изоляция больного была нарушена.

– Я не... – вскинулся Темлин.

– Не лгите, – безмятежно улыбнулся адмирал. – У нас достаточно доказательств тому, что вы не только намеренно выдали Деятельной разумной Интенель место расположения изолятора, в котором проходил реабилитацию Деятельный разумный Ликоэль, но еще и всемерно способствовали тому, чтобы она получила возможность беспрепятственно и даже незаметно для следящей системы проникнуть в этот изолятор.

– Это наглая ложь! – постаравшись принять крайне оскорбленный и независимый вид, заявил помощник главы Симпоисы. Улыбка Ямамото из безмятежной мгновенно превратилась в насмешливую. Он небрежно вскинул руку, на запястье которой размещался браслет личного терминала, и спустя пару мгновений над запястьем развернулся голографический экран.

– Вот, извольте, распоряжения «Триста один – двадцать четыре – семьсот семьдесят семь», «Триста один – двадцать четыре – ноль семнадцать», «Триста один – девяносто два – ноль тридцать три». Вот информация о том, с каких терминалов они поступали. Вот логи изменений в протоколе обмена информации, согласно которым «некто» пытался скрыть исходный сетевой адрес терминала, с которого поступало последнее из данных распоряжений. А вот выписка с памяти маршрутизатора луча личной защиты, прикрепленного к терминалу, – тут

адмирал ухмыльнулся уже откровенно нагло, – с прекрасно известным нам с вами идентификационным кодом, согласно которому в момент изменения данного протокола, обладатель данного терминала находился как раз у данного общедоступного терминала. И это доказательства только по одному из изложенных мною обвинений. Желаете, чтобы я предъявил подобные по другим?

На помощника главы Симпоисы страшно было смотреть. Он побледнел, на его лице выступил пот, а руки свело судорогой. Исороку несколько мгновений холодно рассматривал его, а затем протянул руку и пару раз чувствительно ударил собеседника по щекам. В ответ на столь неприкрытое насилие, совершенное в отношении его самого, Темлин вздрогнул и отшатнулся, изо всех сил вжавшись в стенку. В его глазах плескался прямо-таки животный ужас.

– Да-да, и об этом тоже забывать не следует, уважаемый, – сменив тон на предельно холодный, подтвердил адмирал. – Мы не просто способны на насилие, но и прекрасно обучены ему. Так что конфликт с нами не только неразумен, невыгоден, но еще и опасен. Это вам понятно?

– Д-да, – выдавил помощник Желтого Влима, у которого появился намек на надежду, что убивать его немедленно, вероятно, не будут.

– Так вот, уважаемый. – На этот раз голос Ямамото звучал высокомерно и презрительно. – Я надеюсь, что наши возможности по отношению к вам вы уже немного представляете. Немного, потому что *все*го, – он выделили это слово голосом, – я вам рассказывать не собираюсь. Теперь, если вы не против, давайте обсудим наши к вам претензии. Вы ведь не против?

– Я не... нет, ну что вы?! – Темлин судорожно втянул воздух в легкие. Еще несколько минут назад он сидел в своем углу и сладостно строил планы скорой мести. Он даже не сомневался, что эти люди в его руках. Они натворили столько, что просто лишением статуса Деятельного разумного здесь не обойдется. Ну, кроме этой сучки Интенель. Но и на нее у него было очень много. Он столько ей дал, он бросил к ее ногам все свои связи и возможности, а она... Потому-то он не только не останавливал ее, когда она, в стремлении добраться до этого своего старого любовника, принялась направо и налево нарушать законы и установления Киолы, но еще и негласно помогал ей достигнуть своих целей. Попутно тщательно фиксируя все нарушения. Она должна была заплатить за все. И они все – тоже. Жестоко и страшно! Они сорвали его планы, его тщательно разработанные и скрупулезно воплощаемые в жизнь, совершенно идеальные планы. Они причинили ему боль. Они осмелились даже лишить его, его, человека, всегда добивающегося своих целей, свободы действий и передвижений, захватив и насильно затолкав в эту «каплю»! Они – заплатят!.. И вот сейчас этот невысокий человек со странной внешностью и, как ему показалось в первый момент, добродушно улыбочивым лицом, всего несколькими фразами показал ему, что впереди у Темлина, уже на протяжении десяти лет яростно и безжалостно карабкающегося вверх, к самым вершинам власти, к безграничным возможностям и безнаказанности, и к настоящему времени находящемуся уже даже не в шаге, а в полуступне от всего, о чем он так страстно мечтал, не триумф, а пропасть. Да и это в лучшем случае. А в худшем, его могут просто... ну... это... уб... уби... уби-и-ить!

– Вот и хорошо. – Ямамото развернулся боком и плавно перетек с корточек на пол у стены, заняв позицию сбоку от собеседника. Пока он психологически давил этого слизняка, что с его командным и административным опытом было не столь уж сложной задачей, необходимо было находиться друг напротив друга, смотреть глаза в глаза, но теперь, когда он собирался вербовать его на сотрудничество, подобное положение уже мешало.

– Мы очень – вы слышите? – очень недовольны тем, что проект уважаемого Алого Беноля оказался столь внезапно прерван.

– Но я не виноват! – взвизгнул помощник главы Симпоисы. – Это все Желтый Влим. Это его идея. Он очень, очень опасался Алого Беноля. Беноль – самый авторитетный ученый Киолы, так что стоило ему хотя бы намекнуть, что он собирается баллотироваться на пост главы

Симпоисы, как шансы Желтого Влима... – Темлин рассказывал взахлеб, торопливо, путаясь в словах и стремясь отвести от себя малейшие подозрения в том, что он хоть где-то действовал по своей воле. И не обращая внимания на то, что сидевший рядом с ним адмирал активировал записывающую функцию своего личного терминала. Сведения, которые вываливал на него этот перепуганный толстячок, представляли очень большой интерес. Причем, не только как материал для получения влияния на самого Желтого Влима, но и как база для анализа всей системы управления Киолой, сведения о порядке подчиненности, уровнях влияния, круге интересов высших должностных лиц и способах манипулирования ими. Так что когда он остановился, Ямамото удовлетворенно кивнул.

– Спасибо, – он вздохнул, – да, вижу, что в так расстроившей нас приостановке проекта столь уважаемого на Киоле ученого ваша вина является не ключевой.

– Да-да, вы же видите, – торопливо закивал в ответ помощник Желтого Влима.

– Конечно, все, сказанное вами требует подтверждения, однако, – тут адмирал снова улыбнулся, – я думаю, что в этом вы вполне можете довериться нам. Мне представляется, что после моей маленькой демонстрации у вас нет сомнений, что мы сможем отыскать достаточно доказательств правдивости того, что вы нам рассказали. Ведь главное, что вы совершенно добровольно рассказали нам, как все обстояло на самом деле, а уж юридически выверенные доказательства ваших слов мы отыщем и зафиксируем сами.

Темлин, чьи щеки уже порозовели, снова побелел. О, Боги Бездны, кто тянул его за его длинный язык?! Он только что дал в руки этим страшным людям не только очередное оружие против себя самого, но и против его шефа и благодетеля – Желтого Влима. Не стоит даже сомневаться, что если все, что он только что рассказал, да еще подкрепленное собранными этими страшными людьми доказательствами, вроде тех, что они предъявили ему самому, станет достоянием общественности – на Желтом Влиме можно будет поставить крест. Причем, не только как на главе Симпоисы, но и вообще как на сколько-нибудь влиятельном на планете Деятельном разумном. А скорее всего, ему придется «отстраниться».

– Однако, покончим с этим, – продолжил, между тем, адмирал, – и перейдем к нашим проблемам. Мы бы очень хотели, чтобы проект Алого Беноля, в котором мы все принимали самое живое участие, был бы продолжен.

Темлин оцепенел, затем пискнул, потом сглотнул и выдал:

– Я... я не... я не могу добиться того, чтобы этот проект вновь был запущен... я не способен на это. В это уже вовлечены такие силы... Так много членов Симпоисы уже проинформированы о вопиющем нарушении со стороны Алого Беноля самих основ...

Ямамото прервал его словесный понос легким движением руки.

– Ну что вы, – вкрадчиво-ласково произнес он, – никто и не собирается требовать от вас того, что вы не можете совершить. Мы же вполне адекватные Деятельные разумные, и понимаем, чего можно, а чего нельзя хотеть. – Адмирал примиряющее улыбнулся. – Поэтому мы и не собираемся требовать от вас того, чтобы проект Алого Беноля был бы восстановлен в правах...

Темлин облегченно выдохнул.

– ...официально. – Тут Ямамото улыбнулся и все так же вкрадчиво добавил: – А вот неофициально...

Помощник главы Симпоисы похолодел. Это что же... они что же... да нет, не может быть. Если Симпоиса приняла решение остановить какой-то проект – оно окончательное и никакому пересмотру не подлежит. Это – закон. И с этим ничего нельзя сделать. Он выпрямился и уже открыл рот, чтобы это сказать, а затем закрыл и задумался. Интере-сно. Темлин знал, что едва ли не львиную долю усилий его начальник, Желтый Влим, прилагал именно на то, что чтобы Симпоиса либо принимала решения, которые он хотел, либо... чтобы она не принимала по интересующему его вопросу никаких решений. И ничего более. То, что существуют еще

какие-то способы достигнуть цели, например, наплевать на решения Симпоисы и сделать по своему, но неофициально, помощнику главы Симпоисы и в голову не приходило. А эти люди говорят об этом так, как будто это для них обычное дело.

– Это надо обдумать, – медленно произнес помощник главы Симпоисы после долгого размышления. Адмирал благосклонно кивнул. Мысли, которые бродили в не слишком умной голове этого мелкого человечка, поставившего целью своей жизни прорваться к вершинам власти, не взирая на то, что для этой самой власти у него не было ничего – ни знаний, ни способностей, ни цели, для которой ему и нужна была бы эта самая власть, – не были для Ямамото никаким секретом. За время своей службы в морском министерстве он повидал множество таких. Для них власть нужна была ради самой власти – и не более. То есть сама власть являлась для них и целью, и наградой, а отнюдь не инструментом для достижения неких, действительно важных целей, как, скажем, для него. И сейчас из разговора с ним, этот человечек внезапно понял, что существует еще одна возможность подгрести под себя побольше власти и влияния. Причем, как ему казалось, быстро и без проблем.

– Обдумайте, – согласно произнес Исороку, – причем, если мы договоримся, я могу пообещать вам, что ни одного грана известной нам информации, которая могла бы скомпрометировать вас хоть в чьих-то глазах, наружу не просочится.

– И той, что могла бы скомпрометировать и Желтого Влима тоже, – тут же потребовал мгновенно оживившийся Темлин.

Адмирал улыбнулся и развел руками:

– А вот это уже зависит от вас.

Помощник главы Симпоисы озадаченно посмотрел на собеседника.

– То есть? Что вы хотите этим сказать?

– О, ничего нового, – пояснил адмирал. – Я просто хочу напомнить, что глава Симпоисы, это такая фигура, которая может решить очень многое. И в случае, если его активность будет мешать нам в дальнейшем продвижении проекта, мы будем вынуждены предпринять усилия, чтобы заставить его сосредоточить всю его активность где-нибудь в других сферах. Например, на восстановлении своей собственной репутации и на борьбе за сохранения поста главы Симпоисы.

Темлин снова похолодел.

– Но... вы понимаете, – растеряно начал он, – я же... мое собственное влияние...

– Так и я о том же, – перебил его Ямамото. – Я хочу сказать, что вы должны замкнуть на себя все потоки информации о текущем состоянии дел с нашим проектом и аккуратно отфильтровывать все доклады главе Симпоисы по этому делу. Так, чтобы Желтый Влим постоянно пребывал в уверенности, что все находится под контролем и развивается по его плану. В этом случае нам не будет совершенно никакой необходимости предпринимать хоть что-то против главы Симпоисы. Понимаете меня?

Помощник Желтого Влима снова задумался.

– А как вы себе это представляете после того, как вы... то есть четверо ваших соратников, бежали из изолятора?

Адмирал рассмеялся.

– Кто, они? – Он кивнул в сторону остальных. – А вы не путаете?

Темлин удивленно воззрился на него.

– Полноте, перестаньте, – Ямамото покровительственно покачал головой, – вы же сами предприняли столько усилий, дабы никакой доступной информации о путешествии как вас, так и уважаемой Деятельной разумной Интенель, к месту расположения изолятора нигде не сохранилось. Мы так же приняли кое-какие меры в этом отношении. Это, конечно, не значит, что ее совершенно невозможно отыскать, но для этого должен появиться хоть кто-то, кто будет искать эту информацию. А откуда он появится, если вы замкнете на себя все информацион-

ные потоки, связанные с этим делом? Да еще и озаботитесь тем, чтобы оказаться первым, кто узнает, что данную информацию начали искать. Понимаете меня?

Темлин медленно кивнул, а в его взгляде, направленном на адмирала, начали появляться оттенки восхищения.

– То есть... официально вы еще там, в изоляторе?

– Да, – кивнул Исороку, – согласно всем докладам следящих, медицинских и хозяйственных систем сервису лечебного изолятора. Даже телеметрия поступает исправно. – Он улыбнулся.

– А... если ваши друзья понадобятся на дискуссии по поводу проекта?

– Они будут доставлены туда с соблюдением всех медицинских требований, – согласно кивнул адмирал. – Просто в этом случае вам надо будет связаться со мной, и мы с вами определимся, как точно это будет сделано.

Вспотевшая рожа помощника главы Симпоисы расплылась в облегченной улыбке, но почти сразу же посерьезнела.

– А на какие ресурсы вы собираетесь опираться в дальнейшем продвижении проекта?

– Ну... – уклончиво ответил Ямамото, – кое-какие ресурсы у нас имеются. К тому же, ныне проект находится уже на такой стадии, когда основные затраты Общественной благодарности уже позади. Так что дальнейшее его развитие будет осуществляться скорее социально и организационно. Хотя, естественно, вы должны придумать, как обеспечить нам пусть и не беспрепятственный, но постоянный доступ ко всем материальным ценностям и оборудованию, которые были разработаны в рамках проекта.

– Это сложно, – нахмурил брови Темлин.

– Если бы это было легко, мы вполне обошлись бы без любых обещаний вам, – мягко намекнул адмирал, поднимаясь на ноги. – Через полчаса жду от вас первых предложений.

Помощник главы Симпоисы со страхом кивнул, но затем взгляд его упал на тонкую девичью фигуру в противоположном конце грузового отсека «капли», и он тут же встрепенулся:

– Э... уважаемый Деятельный разумный, дело в том, что тут есть еще одна проблема.

– Вот как? – Адмирал насмешливо вскинул брови.

– Да-да, – Темлин торопливо закивал, – дело в том, что я... что деятельная разумная Интенель... ну в общем, она настроена в отношении меня крайне агрессивно. Да что там, она просто взбешена. И если вам не удастся как-то нейтрализовать эту агрессивность, наши совместные планы обречены рухнуть, даже не начав воплощаться.

– Хм. – Адмирал смерил сидящего перед ним человека недоуменным взглядом. – Мне казалось, что взаимоотношения с этой женщиной – это сугубо ваша проблема.

Темлин уныло вздохнул:

– Если так, то у меня нет ни единого способа ее решения.

– Ну что ж, – Ямамото задумчиво потер подбородок, – я посмотрю, что здесь можно сделать. Но должен сказать, чтобы на очень многое вы не рассчитывали. Женщины крайне нелогичны и подвержены эмоциям. У меня не слишком хорошо получается общаться с ними.

Но Темлин обрадованно закивал головой. Незвестно, что там получится у этого странного человека, но в одном он был совершенно уверен – у него самого абсолютно точно не получится ничего.

Глава 2

Ликоэль проснулся от того, что по комнате распространился аромат кофе. Этим напитком угостил его адмирал, ставший настоящим виртуозом в обращении с «кубом». Хотя, в отличие от остальных мастеров подобного уровня он использовал эти свои возможности вовсе не для того, чтобы изобретать новые цвето-вкусовые сочетания, а для максимально точного воспроизводства вкусов и внешнего вида привычных ему и остальным землянам блюд. Кроме того, он предпочитал извлекать из «куба» не готовые блюда и напитки, а полуфабрикаты для их изготовления, и уж потом доводить блюда до готовности на открытом огне. Впрочем, старший лейтенант Воробьев освоил «куб» не намного хуже адмирала. Из его напитков Ликоэлю пришлось по вкусу квас, а из блюд – нечто под названием «шашлык» и еще «расстегаи». Но сейчас Ликоэль был совершенно точно уверен, что никого из этих виртуозов поблизости не было.

Их с Интенель высадили в одном из горных поселений. Та все еще жутко злилась на помощника Желтого Влима, но после разговора с адмиралом нехотя согласилась не выдвигать против того никаких обвинений и не начинать бучу в Сети. Хотя и попыталась обставить это свое согласие требованием оставить в покое Ликоэля и более не претендовать ни на какие его услуги в проекте. Уж что-что, а моменты, когда можно что-то поиметь от окружающих, Интенель всегда чувствовала прекрасно.

* * *

Невысокий сухощавый человек, которого остальные старшие инструкторы называли странным словом «адмирал», и с которым мастер был очень слабо знаком, смежил веки, а затем произнес:

– Нет.

– Ну, тогда... – взвилась Интенель, но ее собеседник мягко закончил.

– Я не могу принять решение за него. – Он указал на Ликоэля. – Если он согласится с таким условием, то – да, а если нет. – Тут адмирал развел руками. Интенель тут же развернулась и впилась в мастера горящим взглядом.

– Ликоэль, – начала она, – у меня все готово – место, новый личный терминал... мы уедем. Вдвоем. Только ты и я. И наша любовь...

– Быстро закончится, – грустно усмехнулся мастер. – А потом ты снова станешь ко мне равнодушной и уйдешь.

– Ты... – Интенель свирепо вскинулась и, вытянув руку в его сторону, зашипела, – да как ты смеешь обвинять меня, в том, что я разлюблю тебя?! Я пошла на столь многое, чтобы...

Ликоэль протянул руку и погладил ее по щеке, отчего Интенель сначала замолчала, а затем осторожно повела головой, потершись щекой о его руку.

– Прости, – тихо произнес мастер, – у меня есть долг. Я взвалил его на себя сам, и пока не решу, что я его исполнил, я не принадлежу себе.

Интенель несколько мгновений молча смотрела на него, а затем ее губы задрожали, а на глаза навернулись слезы.

– Ну почему, почему... – прошептала она. – Ведь я же все так хорошо придумала. Ты, я и наша любовь. И никого рядом, потому что нам никто больше не нужен. А ты... – И она резко отвернулась.

И тут послышался тихий голос адмирала:

– Тебе очень повезло, милая... очень. Ты отыскала почти невиданное для этих мест сокровище, – он сделал паузу и тихо произнес, – мужчину. Они у вас тут и не водятся почти...

Вот только мужчину из обычного человечка делает именно долг. И цель. Просто желания и хотения, какими бы они ни были – простыми, сложными, низкими, возвышенными, – каковые, конечно, имеются у любого, в этом помочь не могут. Потому что желания – это только твое, собственное, и потому их можно менять, то есть сегодня хотеть одно, завтра другое, послезавтра третье, а долг... долг это то, что требует от тебя мир, то, что ты принял на себя как нечто, что кроме тебя никто просто не сможет исполнить... – Адмирал на мгновение замолчал, а затем тихо произнес: – Смерть легка как пух, долг тяжел как гора. Пойми его и помоги ему исполнить свой долг, потому что самое глупое, что может сделать женщина, это поставить мужчину перед выбором: она – или долг.

– Почему? – не поворачиваясь, так же тихо спросила Интенель.

– Потому что он все равно выберет долг, но несчастными станут двое.

Несколько мгновений все молчали, а затем Интенель все так же тихо спросила:

– А если он выберет женщину?

Адмирал ответил не сразу. Некоторое время он молчал, так что Интенель даже развернулась и вперила в него напряженный взгляд, но потом, когда молчание напряглось и зазвенело как струна, улыбнулся и ответил. Тихо, но твердо.

– Тогда он перестанет быть мужчиной. – После чего поднялся и отошел в тот конец грузового отсека, где устроились старшие инструкторы...

* * *

– Ты проснулся? – послышался голос Интенель, а затем ложе, на котором они спали, слегка покачнулось, и мастер почувствовал, как к нему прижалось горячее женское тело. – А я сварила тебе этого горького напитка. По-настоящему сварила, на открытом огне, а не запрограммировала.

Ликоэль открыл глаза и, мягким движением развернувшись на бок, заключил девушку в объятия. Интенель счастливо вздохнула и закрыла глаза...

Эта глава их сумасшедшего романа продолжалась уже десять дней. Десять дней они были предоставлены сами себе. При прощании, старший инструктор Банг отвел его слегка в сторону и, бросив взгляд в сторону Интенель, спросил:

– Помнишь наш разговор?

Ликоэль, в свою очередь, покосился на Интенель, стоявшую рядом с адмиралом, который что-то говорил ей с любезной улыбкой, и кивнул:

– Да.

– Так вот, я, конечно, могу ошибаться, и у вас, незнамо как, все сладиться в лучшем виде и на всю жизнь, но... не шибко расслабляйся. Женщины не привыкли к тому, что да – это да, а нет – это нет, для них все всегда – может быть. Ну не все, конечно, но такие, как твоя. Стервы по натуре. И это не хорошо, и не плохо, просто это данность. Ну, у таких, как они. Так что, конечно, может случиться и так, что любовь пересилит натуру, но шансы на это не слишком велики. Вот такое тебе мое предостережение. Если оно тебе, конечно, нужно.

Так что все это время мастер ждал, что вот-вот Интенель начнет обрабатывать его на тему все-таки отказаться от дальнейшего участия в проекте, но пока она вела себя просто как по уши влюбленная женщина. И он немного расслабился.

Позавтракав, они оделись и пошли гулять. Ликоэля немного тяготило, что, официально числясь в изоляторе, то есть, скрываясь, он не мог вновь начать заниматься любимым делом. Но зато они много гуляли с Интенель, уходя далеко в горы и иногда даже оставаясь ночевать на небольших горных террасах, устроенных в самых живописных местах горных склонов. Горное поселение, которое Интенель выбрала в качестве их первого после побега совместного приста-

ница, когда готовилась «выкрасть» его из лечебного изолятора, было не слишком многонаселенным. Так что эти террасы по большей части пустовали. Впрочем, главной причиной этого запустения была отнюдь не малочисленность постоянного населения. Это место пользовалось чрезвычайно большой популярностью у путешественников, и в иное время было бы переполнено. Все дело было в том, что в настоящий момент у жителей Киолы резко ослабла тяга к путешествиям, зато столь же резко возрос дискуссионный раж. И вызван он был тем, что Симпоиса опубликовала результаты расследования последнего проекта Алого Беноля...

Мастер с Интенель прошли дальней аллеей и спустились к парку с фонтанами, уже наполненному гуляющими людьми. Некоторую часть присутствующих представляли подобные им с Интенель парочки, но большая часть из находившихся здесь была распределена по кучкам и, судя по всему, оживленно дискутировала, отчаянно жестикулируя и стараясь перекрыть друг друга. Интенель наморщила лобик:

– Мне здесь не нравится. Слишком шумно. Пойдем на ту террасу.

«Той» они называли широкую тенистую террасу, устроенную на окраине поселения, над самым обрывом, с которой открывался живописный вид на горную долину и высокий, высотой не менее семидесяти лиовен, водопад, в который время от времени кто-то сигал. Слава Богам, не с самой террасы, а сверху, с обрыва. На ней всегда толпился народ, люблюсь окрестностями, но из-за шума водопада тихие голоса окружающих были совершенно не слышны даже в двух шагах. Так что если встать у парапета и смотреть на долину, казалось, что они с Интенель в этом живописном месте только вдвоем. А из-за висящей в воздухе водяной пыли там было всегда свежо и прохладно.

На террасе было не слишком людно. Они прошли в дальний конец, там, где от парапета до водяных струй водопада было всего три-четыре лиовена, и казалось, что протяни руку – намочишь ладонь, и облокотились на парапет. Некоторое время оба молчали. Наконец Интенель тихо произнесла:

– Хорошо.

Мастер с расслабленной улыбкой медленно кивнул.

– А... тебе обязательно уезжать?

Ликоэль замер: вон оно, началось... но затем поднял руку и молча обнял девушку за плечи. А она торопливо продолжила:

– Нет, я не о том, чтобы тебе отказаться от своего долга. Или что ты уйдешь из проекта... Но ведь в этом вашем проекте наверное есть какие-нибудь разные задачи. Разные возможности. Может, можно что-то сделать, чтобы ты продолжал участвовать в проекте, но при этом остался со мной?

Мастер повернулся и осторожно поцеловал ее в лоб. В принципе, на первый взгляд в ее предположении была своя логика. Житейская, самая простая, но логика. Но, о, Боги, если бы она знала хоть сотую часть того, к чему их готовили там, в лагере, она никогда бы не задала такого вопроса. Потому что тогда бы ей было абсолютно понятно, что их готовили не для того, чтобы остаться на Киоле. Их готовили для того, чтобы ринуться в пекло...

– Знаешь, – осторожно начал Ликоэль, – я думаю, то, что нас с тобой еще никто не потревожил, как раз и показывает, что пока проект может обойтись без меня. Мои командиры – очень чуткие люди, хотя с первого взгляда о них этого никогда не скажешь. Но потом... – И тут он почувствовал, как напряглись под его рукой девичьи плечи. А потом Интенель резко выпрямилась и сказала:

– Пошли, мне уже здесь надоело. И потом эти раскричались. – Она неприязненно покосилась на плотную группу спорщиков, подобную тем, что кучковались внизу, у фонтанов, образовавшуюся на террасе, пока они смотрели на водопад. Ликоэль согласно кивнул. Слушать пустопорожние рассуждения, на все лады обсасывающие, как не прав Беноль, и как вообще

Цветной, да еще почитаемый, как самый могучий интеллект Киолы, мог дойти до такого падения морали, ему совершенно не хотелось.

Они уже дошли до ступеней, ведущих с террасы, как вдруг до Ликоэля донесся громкий возглас одного из спорящих:

– А я говорю, что Беноль прав, прав! Насилие должно вернуться в наше общество!

Ликоэль затормозил и оглянулся. Интенель попыталась было потянуть его за руку дальше, но он мягко придержал ее и, коснувшись губами ее щеки, прошептал:

– Подожди, мне хочется послушать.

Девушка недовольно сморщилась, но ничего не сказала и молча пошла за ним к плотной кучке спорящих, не отпуская его руку.

Они подошли к толпе, собравшейся вокруг нескольких отчаянно спорящих людей. Их было трое – высокий худощавый парень со странно выглядящей вздыбленной бородкой и глазами навывкате, девушка со слегка заторможенным взглядом и лощеный красавец с волосами, раскрашенными в несколько цветов и уложенными крупными завитками. Впрочем, как выяснилось позже, девушка практически не участвовала в споре, ограничиваясь обожающими взглядами, которые она время от времени бросала на красавчика.

– Значит, ты отвергаешь весь путь, который прошла наша цивилизация за столько тысячелетий, все достижения нашей культуры, и утверждаешь, что Белый Эронель ошибся?

– Да, да! – Голос бородатого взлетел едва ли не до визга. – Да, это именно так. Философские построения Белого Эронеля содержат в себе ошибку. Причем – системную. Они основываются на ошибочном предположении, что разум, достигая определенного уровня развития, автоматически отказывается от насилия. Потеря доказала нам, что это не так. Но мы до сих пор закрываем глаза на правду, пытаюсь изобрести какие-то непонятные, совершенно нежизненные конструкции, этикие философские кадавры, пытаюсь одновременно и ничего не менять, и что-то сделать с Потерей. Чем еще это может закончиться, кроме как еще одной Потерей? Когда же мы наконец позволим себе открыть глаза и назвать вещи своими именами? А не прятаться за витийством и словесными кружевами!

Красавец презрительно искривил губы и... тут он заметил Интенель. Ликоэль протолкался к самому центру плотной толпы, так что они с Интенель стояли буквально в нескольких шагах от спорящих, прямо за спиной бородатого. Вернее, за его спиной стоял мастер, а Интенель чуть в стороне, так что ее великолепная фигура была отлично видна красавчику. Он на некоторое время выпал из спора, чего, впрочем, его громогласный оппонент совершенно не заметил. Несколько мгновений красавчик приценивающимся взглядом откровенно ощупывал Интенель, а затем бросил пренебрежительный взгляд на Ликоэля, и на его губах заиграла легкая и слегка презрительная усмешка... И мастер почувствовал, как руигат внутри него, все это время практически сладко спавший, внезапно проснулся и повел сердитым взглядом. Подобные субчики Ликоэлю были знакомы. Они очень любили пребывать в центре внимания, эпатировать, удивлять, покорять, но сами никогда не доставляли себе труда стать кем-то, научиться чему-то, причем серьезно, основательно. Нет, это было не для них – слишком нудно. А вот подковырнуть, раскрутить человека на какую-нибудь эмоцию – страх, отчаяние, недоумение, боль – это да. В этом они короли. Но этот паразит, самоутверждающийся за счет унижения других, даже не подозревал, что на этот раз он не на того нарвался...

Между тем, красавчик развернулся к бородатому.

– Ну хорошо, допустим, только допустим, что отказ от насилия – ошибка, и нашему обществу не помешало бы вернуть некие элементы насилия обратно. Но как ты себе это представляешь? Кто и как будет нам это возвращать?

– Это, это... – бородатый наморщил лоб и даже нетерпеливо прищелкнул пальцами, – этого не будет делать никто. Это произойдет само собой. Насилие искони присуще биологическому объекту, который мы называем человеком. Оно... инстинктивно для него! Вспомните

реакцию ребенка на негативное воздействие – оттолкнуть, напугать, ударить! И только воспитание, извращающее и подавляющее естественные реакции человека, приводит к тому, что мы начинаем испытывать отвращение к насилию. К этому свежему и природному инстинкту, без которого, я утверждаю это, человек просто не может называться человеком! – Бородатый с победным видом окинул взглядом всех собравшихся. А красавчик снова скривил рот в презрительной усмешке. Похоже, презрение было самой распространенной эмоцией среди всех, которые он предпочитал испытывать.

– Это – чушь. Насилие – это пережиток неразумности, это наследие наших животных предков, это...

– Ты говоришь штампами, – взвился бородатый, – вбитыми в тебя нашей убогой системой воспитания...

– Уйдем отсюда, – наклонившись к уху мастера прошептала Интенель. – Мне неприятно, как он на меня смотрит.

Ликоэль молча кивнул и уже собирался развернуться, как вдруг красавчик сделал раздраженный жест рукой и, сделав несколько шагов, остановился в одном шаге от мастера, упер в него взгляд и громко произнес:

– Ты приводишь аргументы, которые бездоказательны.

Так, что мастеру даже в первый момент показалось, что он обращается именно к нему. Но это было ошибкой. Просто, похоже, у красавчика был этаким безотказный прием. Вот так, выкатив глаза, воткнуть взгляд в человека в упор и... обычный человек действительно имел все шансы потеряться в такой ситуации, смутиться занервничать и сдаться перед этой беспардонной наглостью. Но Ликоэлю даже стало немного смешно. Этот глупенький и не подозревает, что такое поймать на лезвие боевой нож, направленный тебе в горло или в левое легкое. И испытать мгновенное счастье оттого, что успел, перехватил, парировал. И сумел увернуться от боли. Но именно мгновенное, потому что стоит долю секунды промедлить, и это лезвие ударит куда-нибудь еще. Или прилетит другое. А тут всего лишь взгляд мелкого наглеца. Ну, смешно же...

– Я? – несколько недоуменно отозвался бородатый. Так же введенный в заблуждение тем, что красавчик пялится на Ликоэля.

– Ты. – Красавчик вздернул уголок верхней губы в совсем уж презрительной гримасе. – Если уж ты утверждаешь, что насилие – это инстинкт, так докажи это. Ведь все мы знаем, что врожденные инстинкты нельзя устранить насовсем.

Бородатый озадаченно посмотрел на него, но красавчик уже протянул руку к Ликоэлю.

– Прошу вас, Деятельный разумный, помочь нам развить поле аргументации нашей дискуссии, – велеречиво начал он, все еще кривя губы в высокомерной усмешке, после чего повернулся к бородатому и произнес: – Вот, смотри. – После чего быстро отвел руку назад и со всей дури засветил Ликоэлю пощечину... вернее, попытался. Потому что руки мастера сработали автоматически. Блок, перехват, болевой – и отчаянно заверещающий красавчик повис на классической висячке. Так, во всяком случае, этот прием называл старший лейтенант Воробьев. Ошарашенные слушатели испуганно отшатнулись в стороны, так что Ликоэль, Интенель и бородатый с девушкой внезапно оказались в центре довольно большого свободного пространства. Мастер еще несколько мгновений подержал красавчика на болевом, а затем наклонился к его уху и прошептал:

– Моей женщине не понравилось, как ты на нее смотрел. Поэтому постарайся больше не попадаться мне на глаза. – После чего отпустил руки. Красавчик с хриплым всхлипом упал на камни террасы. Несколько мгновений вокруг стояла оглушающая тишина, а затем бородатый, севшим и слегка растерянным голосом, произнес:

– Ну, я же говорил, что это инстинкт...

До своего жилища они добрались довольно быстро. Причем темп задавала Интенель, несшаяся впереди и тянувшая его за руку за собой. Нет, Ликоэль и сам понимал, что оставаться на этой террасе и рисковать тем, что его снимут на личные терминалы и выложат в Сети с сонмом возбужденных комментариев, не стоило. Не дай Боги увидит кто из знакомых и начнет разыскивать, или вообще сразу обратится к Симпоисе с недоуменным вопросом, как это мастер над образом Ликоэль может одновременно и проходить в медицинском изоляторе индивидуальную реабилитацию, и заламывать руки всяким высокомерным придуркам. Но когда они достаточно удалились от места происшествия, можно было бы и немного снизить скорость. Однако Интенель продолжала нестись как угорелая. Они почти бегом промчались по аллее, взлетели по ступенькам и ввалились в дом. Интенель резко захлопнула дверь и, опершись на нее спиной, замерла, тяжело дыша и уперев в Ликоэля горящий взгляд. Для него эта пробежка после того, через что он прошел на острове, была не более чем небольшой разминкой, поэтому мастер даже не вспотел. Впрочем, как выяснилось чуть позже, и тяжелое дыхание Интенель имело своей причиной не столько физическую нагрузку. Девушка несколько мгновений сверлила его обжигающим взглядом, а затем резко оторвалась от двери и буквально прыгнула на него. И повисла, вцепившись в него руками и ногами, и впилась в губы обжигающим поцелуем. Ошеломленный Ликоэль даже качнулся, рефлекторно стиснув девушку в объятиях. А Интенель на мгновение оторвалась от его губ и жарко выдохнула.

– Еще никто и никогда не угрожал никому из-за меня насилием, мастер Ликоэль. – Она прикусила губу и, резко дернувшись, сбросила его руки с себя, а затем, продолжая висеть на нем, удерживаясь только ногами, обхватившими его талию, принялась прямо так сбрасывать с себя одежду. Ликоэль несколько мгновений стоял, ошеломленный ее взрывом, а затем, почувствовав, как его кровь, уже разгоряченная ее страстным поцелуем, буквально вскипает в жилах, стиснул ее в объятиях и...

А потом они лежали на тонком ковре ковеоля, нагие, среди разбросанной и даже разорванной одежды, постепенно приходя в себя. Спустя несколько минут Интенель пошевелилась и, повернув голову, притянула к себе его руку, в которую вцепилась в порыве страсти, да так до сих пор и не отпустила, и осторожно легла щекой на его ладонь.

– Да-а... – тихо произнесла она. – Я и не представляла, что насилие так возбуждает.

Ликоэль улыбнулся и прикрыл глаза. Бедная девочка, что она может знать о насилии? О том, что насилие никогда не может остаться односторонним. И каково это, только что вогнав боевой нож в горло противника, в следующую секунду почувствовать, как другое лезвие пробивает тебе печень, или сердце, или легкое... Нет, их учителя были совершенно правы в том, что сразу же показали им, что же такое насилие по отношению к тебе самому. Причем, не слабенькое, ограниченное, некие шлепки, щипки или, там, хлопки, или даже удары, но лишь до синяка или юшки из носа, а вот такое, предельное, смертельное... Поэтому, сейчас они, руигат, были единственными на Киоле, кто знал о насилии столько, сколько не знал более ни один другой киолец. Да что там другой, – столько, сколько о насилии знали они, руигат, не знала вся цивилизация Киолы вместе взятая!

– Скажи, а что ты сделаешь, если он и правда попадется нам на пути?

Мастер усмехнулся:

– Ничего.

– Как? – Интенель так резко выпрямилась, что ей на лицо упал распрямившийся завиток волос. – Ты что, солгал? Ты солгал?

Ликоэль озадаченно посмотрел на нее. Нет, в принципе, он всегда был честен, даже болезненно честен, но она что, считала, что он действительно что-то сделает с человеком всего лишь за один взгляд? Пусть даже этот человек, если уж быть честным, носил статус Деятельного разумного из очень большого аванса. И явно за свою жизнь испортил немало нервов множеству себе подобных, большинство из которых, скорее всего, ничего подобного совершенно не

заслуживали. Ибо та презрительная гримаска на его личике явно была стандартным его выражением, а к Ликоэлю он подошел в абсолютной уверенности, что имеет полное право поступить с другим так, как ему заблагорассудится.

– Ну... это можно назвать и так, – осторожно ответил он. Интенель до сих пор часто ставила его в тупик тем, что он никак не мог понять мотивов некоторых ее поступков, и из какой логической цепочки следовали некоторые ее выводы. Впрочем, когда он попытался разобраться в этом с помощью человека, который как-то незаметно для него самого стал неким экспертом в области взаимоотношений мужчин и женщин – старшего инструктора сержанта Банга, тот в ответ на вопрос только махнул рукой:

– Э-э, парень, не забивай себе голову. Бабы, они такие, ну... понимаешь, они не башкой думают. Ну, совершенно. Нет у них логики напрочь. Они эмоцией живут. В том-то нам мужикам с ними и сложно. Чтобы ты не говорил, как бы не доказывал – если ты с ними в... ну... о, в унисон попал, в волну, так сказать эмоциональную, какую она в этот момент испытывает – все отлично! Можно любую пургу нести, она тебе поверит и согласится. А если нет – кранты. Хоть сто железных доказательств приводи – все равно ничего не получится. Этим все бабы страдают, даже лучшие из них. Просто кто-то меньше, кто-то больше. А твоя, судя по тому, что ты мне тут рассказывал, – в самой тяжелой форме. Так что ничего тут не поделаешь...

И сейчас, похоже, мастеру очередной раз пришлось столкнуться с этим во всей красе.

– Значит, – угрожающе начала Интенель, – если бы он снова начал так на меня смотреть, то ты бы ничего не стал делать?

Ликоэль усмехнулся и, протянув руку, попытался притянуть девушку к себе, но она сердито отбросила его руку, продолжая сверлить его требовательным взглядом.

– Ну что ты, конечно же, сделал бы, – успокоил ее мастер. Взгляд Интенель на мгновение стал недоверчивым, а затем, похоже, ей что-то пришло в голову, и она грациозно вскочила на ноги.

– Так, хватит разлеживаться, пошли!

– Куда?

– Куда-куда – погуляем!

Ликоэль озадаченно поднялся. Да уж, очередной выверт женской логики. Совершенно непонятная логическая цепочка от его отказа публично применить насилие в ответ на явно не заслуживающий этого повод до желания снова пойти погулять. Но никакие намеки на то, что сейчас идти как-то не с руки, потому что свидетелей их столкновения было достаточно, и что кто-нибудь их точно узнает. Если не его, то уж ее – точно. На каждого мужчину, кто хоть раз, хотя бы мельком, увидел Интенель, ее красота производила неизгладимое впечатление. Ну а потом понять, что рядом с ней именно тот, кто произвел такой фурор на террасе у водопада, не составит никакого труда.

Так что спустя несколько минут они вышли на улицу и довольно быстрым шагом двинулись по аллее. И прошли только десяток шагов, как до Ликоэля донеслись возбужденные голоса. Он инстинктивно замедлил шаг. Интенель, державшая его за руку, недовольно оглянулась. Но мастер замедлялся все больше и больше, пока совершенно не остановился, напряженно прислушиваясь к речи:

– ...не смеешь так говорить мне! Или я отвечу насилием!

Ликоэль удивленно качнул головой. Ну надо же, как грозно. В этот момент Интенель сердито дернула его за руку, и они двигались дальше.

Поселение напоминало растревоженный улей. Пока Интенель, крутя головой по сторонам, тащила его куда-то весьма причудливым маршрутом, Ликоэль во все глаза рассматривал возбужденных людей, напоминающих сейчас пчел в период роевания. И доносившиеся до него возбужденные фразы его отнюдь не радовали. Везде спорили о насилии. И не только спорили. Когда они проходили мимо одной достаточно возбужденной группы людей, мастер явственно

услышал хлесткий хлопок, а затем взвизг, почти сразу же перешедший в утробное рычание. Но оно тут же было заглушено многоголосым гамом.

Наконец бессмысленные метания по взбудораженному поселению Интенель окончательно надоели, и она остановилась и, устало вздохнув, сообщила:

– Я хочу есть.

Ликоэль молча кивнул, а затем, покосившись по сторонам, спросил:

– Ты сильно устала?

– Ну, в общем... – И не закончив фразу тут же переспросила: – А что?

– Да я бы не хотел устраивать нам обед где-то в поселении. Тут все как-то излишне возбуждены.

Интенель наморщила лобик и огляделась:

– Да, действительно, а я и не заметила. С чего бы это?

У мастера по этому поводу уже сложились кое-какие версии, но он не стал их озвучивать, а лишь пожал плечами. А затем поднял руку и, указав на нависающие над городом величественные горные пики, предложил:

– В горы?

Интенель раздраженно взмахнула рукой.

– Нет, я устала... – Но затем, бросив пару взглядов по сторонам, изменила решение: – Хорошо, но только недалеко.

До ближайшей террасы, до которой гарантировано не доносились возбужденные голоса, они добрались довольно быстро. Интенель тут же разлеглась на широком ложе и с легкой страдальческой гримасой на лице вытянула ноги, явно демонстрируя, что возлагает все заботы по организации процесса питания на мужчину. Впрочем, Ликоэля это совершенно не удивило. Скорее его удивляло то, что за последние десять дней Интенель несколько раз сама вставала к «кубу» и даже делала нечто кроме этого. Так что он привычно набрал на панели «куба» несколько комбинаций блюд, которые, как он знал, нравятся Интенель, и, вытащив их из зоны доставки, двинулся к девушке.

Когда он подошел, та сидела, опершись на руку, а на ее лице застыло недовольное выражение. Ликоэль молча присел рядом. По старым временам он помнил, что когда Интенель недовольна, лучше просто промолчать, нежели с обеспокоенным видом начать выяснять у нее, что случилось, да в чем дело, да чем он может помочь... Так что он просто поставил около нее тарелку с ее любимым теннсо касиери и присел рядом, приступив к еде и глядя на горы. Интенель еще некоторое время не шевелилась, а потом шумно вздохнула и потянулась за своей тарелкой.

После того, как девушка поела, ее настроение заметно улучшилось. Она грациозно вернулась на ложе, ловко ввернувшись под руку мастера, прижалась к нему всем телом и замерла. Ликоэль осторожно обнял ее за плечи.

– А все-таки жаль... – мечтательно произнесла девушка.

– Чего? – невольно поддавшись этой послеобеденной расслабленности безмятежно произнес мастер.

– Ну, что я его не нашла, – все так же мечтательно произнесла Интенель.

Ликоэль замер, а затем спокойно, пряча напряжение, задал вопрос, ответ на который уже знал:

– Кого?

– Ну, этого, – в общем, ласково, но с легким оттенком легкого раздражения от его непонятливости пояснила Интенель, – курчавого. Ну которого ты бросил передо мной на колени.

– А зачем ты его искала? – спокойно спросил мастер. – Ведь я же сказал, что не буду применять к нему никакого насилия.

– Куда бы ты делся, – усмехнулась Интенель. – Я бы сделала так, что ты не смог бы иначе.

Ликоэль стиснул зубы. О, Боги, да что же это творится?! Эти люди нашли себе новую игрушку! Они даже не понимают, насколько она опасна. И что за ней стоит боль, кровь и смерть. Причем не та, что приходит во Дворцах прощания, а другая – гораздо более грязная, кровавая и совершенно неприглядная. Мастер зябко повел плечами.

– Что? – удивленно вскинулась Интенель, уютно устроившаяся у него под рукой. Ликоэль повернулся к ней и улыбнулся. Да, пора...

– Завтра я улечу, – тихо произнес он. Интенель тут же выпрямилась и с удивлением уставилась на него.

– Но... ты же... они же... тебя же никто не вызывал! – недоуменно начала она. – Мы же все это время были вместе! Я бы услышала! – Интенель скинула ноги с ложа и уперла в него требовательный взгляд. – Что произошло?

– Просто пора. – Мастер улыбнулся и провел рукой по ее волосам. – Я найду тебя, как смогу.

Интенель смотрела на него, прикусив губу. Ее глаза заблестели.

– Ты бросаешь меня?

Ликоэль молча покачал головой:

– Нет, я тебя не брошу. Никогда. Просто... ну, я понял, что не могу вот так, ничего не делая, ждать, пока все сделают без меня, а потом позовут. На все готовое. Я должен, понимаешь, *должен* тоже подставить плечо. Наравне с другими. Я... – И он замолчал.

Нет, мастер не сказал ей ни слова неправды. Все так и было. Он часто думал об этом все эти дни. Но как-то... лениво, что ли. Мол, пожалуй, было бы правильным, если бы он в ближайшее время... Другое дело, что это была *не вся* правда.

* * *

Когда-то давно, много-много дней назад, когда он впервые решился поговорить о взаимоотношениях мужчины и женщины со старшим инструктором Бангом, тот сказал ему, что у них с Интенель никогда не будет спокойной жизни. И что им на роду написано то расставаться, то вновь бросаться навстречу друг к другу. Правда, обосновывал он это немного по-другому, но Ликоэль внезапно понял, что сейчас он должен уйти. Сам. Не дожидаясь, пока Интенель устанет быть такой, какой она была все эти счастливые десять дней, и уйдет от него сама. А она начала уставать. И эта ее реакция на насилие, ее желание вновь почувствовать вызываемое им возбуждение, были не только проявлением ее бурной, эмоциональной натуры, но и симптомом того, что она уже пресыщена простым и безмятежным «быть рядом». Однако надо быть полным идиотом, чтобы попытаться рассказать Интенель *эту* правду...

Последняя ночь была для них бессонной. Интенель набрасывалась на него с уже давно не испытываемой жадностью. Пожалуй, так в эту ночь до этого они любили друг друга всего три раза. В тот день, когда она прилетела к нему после первого тренировочного лагеря, затем, когда пробралась к нему в изолятор, и днем, после того как он взял на болевой того красавчика. И это было еще одним подтверждением того, что мастер точно угадал с расставанием. Когда расстанутся так – больше шансов на то, что тебе обрадуются при встрече.

А утром, она пошла проводить его на стоянку «ковшей».

– Куда ты летишь? – спросила она.

Мастер пожал плечами:

– Пока не знаю. – При расставании адмирал коротко проинструктировал его, каким образом он может связаться с ними в случае чего. И одним из пунктов этого инструктажа было требование выходить на связь по указанному ему номеру только в полете. Причем адмирал

предупредил, что в любом ином случае связь просто не будет установлена. И Ликоэль догадывался, что одной из причин этого требования было создание таких условий, при которых в момент установления этой связи рядом с абонентом гарантированно никого не будет. Поэтому, исключалась даже малейшая возможность перехвата контакта случайным соседом. Старшие инструкторы любили задавать такие условия, при которых ты как бы сам по себе все делаешь так, как нужно, и это не зависит ни от твоей добросовестности, ни даже от твоего желания.

– Ты найдешь меня? – спросила Интенель, когда он уже запрыгнул в «ковш». Ликоэль не ответил, а просто притянул к себе девушку и крепко поцеловал ее. А в следующее мгновение «ковш» рванул в небо...

Глава 3

– Ты видел, что творится на улице?

Иван повернул голову и посмотрел на Банга, который зашел в полуосвобожденный контейнер, вытирая руки куском ветоши.

– По морде дали? – спокойно спросил он.

– Ага, щас! – ехидно скривился сержант. – Обломаются. Чтобы мне по морде дать – нужен целый «Студебекер» этих сосунков.

– Тогда что же ты такой возбужденный? – делано удивился русский.

– Да ты только посмотри, что они творят, – сплюнул американец, – как с цепи сорвались. А я-то думал, у них тут прямо рай на земле. Только с выпивкой проблема, а с остальным все в порядке.

– И давно ты так думал? – усмехнувшись, поинтересовался подошедший немец.

– Это – да, – кивнул головой сержант. – Так – давно. Но *такого* я от них точно не ожидал.

Иван усмехнулся. На этом терминале они торчали уже шестой день. Сразу после приземления «капсулы» они распрощались со своими вольными и не совсем попутчиками и легкой рысью часов за шесть добежали до соседнего поселения. Вернее, даже не до соседнего, ближайшее из располагавшегося на той же тропе, по которой они двинулись, земляне миновали, сразу после поселения сменив тропу и приняв влево, ближе к горам, и лишь добравшись до следующего, рискнули воспользоваться «ковшами». Заказав сначала два, а затем, с некоторым перерывом, еще по одному. Да и на этих «ковшах» они не сразу отправились к подготовленному адмиралом укрытию, а сделали несколько несвязанных прыжков из одного поселения в другое, в процессе этого выкинув те личные терминалы, которые адмирал вручил им еще на острове, и активировав новые, каковых у Ямамото оказался целый запас. Ну да никаких особых проблем с заведением нового личного терминала, как и с новой регистрацией в Сети, на этой планете не существовало. Прямо земля непуганых идиотов. А с другой стороны – зачем? Любые правила и приемы имеют место быть, пока в них имеется хоть какая-нибудь польза, а как только она исчезает – они довольно быстро перестают соблюдаться. Даже если их никто никогда официально и не отменяет. Вон, Банг рассказывал, что у них в Штатах туча всяких забавных законов, например, в городе Юрика, в их американском штате Иллинойсе, мужчинам, носящим усы, запрещается целовать женщин, а в Мичигане женщина не может постричь волосы без предварительного согласия мужа. И что, кто-то эти законы соблюдает, что ли? Ага, щас! Попробуй, найди женщину, которая будет спрашивать мужика, какую ей прическу носить. Нет, где-то, наверное, и такие имеются. Жизнь, она куда как многообразна и удивительна. Одно то, что с ними четырем случилось, уже ни в какие ворота не лезет... Однако Ивану такие пока нигде не встречались. Да и Банг говорит, что все эти законы уже давно никого не волнуют.

Так и здесь, с этой жизнью – никакой необходимости в неких мерах, поддерживающих хотя бы минимальный режим секретности, не существовало. Отдельных государств, тем или иным способом шпионящих друг за другом, или хотя бы крупных корпораций, занимающихся промышленным шпионажем в целях обретения неких конкурентных преимуществ, не существовало уже тысячелетия. А непременно образующиеся вследствие обязательного наличия в любой человеческой популяции некоторого количества особей, отягощенных личными амбициями, конкурирующие между собой творческие, научные и властные группки и союзы, по причине отсутствия профессионально занимающегося разведкой, диверсиями и саботажем, а так же контрразведкой и противодействием саботажу слоя людей, в этой области были абсолютными дилетантами.

Так что, возможно, и все предложенные адмиралом меры типа смены личных терминалов и такого «рваного», с пересадкой, выдвижения к месту новой дислокации, тоже были

излишни. Но с адмиралом никто не спорил. Если командир считал, что так надо – сделаем, не развалимся. Все земляне были старыми солдатами, и в их головы накрепко было забито непереносимое солдатское правило: чем больше будешь беречь руки или ноги – тем вернее потеряешь голову. Сколько уже бестолковых рядом с ними, пожалев себя и недооборудовав позицию после долгого и тяжелого ночного марша, сложили голову при первом же утреннем налете или артобстреле... Тем более что пробежка в пару десятков километров для их сегодняшнего физического состояния нынче было если и не легкой разминкой, то уж никак не более, чем средней нагрузкой. Перебросив сюда, на Киолу, их сущности, Алый Беноль сотворил им тела, построенные с использованием всех достижений местной медицины и биологии. А все они и у себя дома отнюдь не относились к слабакам. Ну а два года интенсивных тренировок на грани физических и психических возможностей развили эти полученные тела до верхнего предела их возможных способностей. И довольно короткий «отдых» в медицинском изоляторе никого из них сильно не расслабил. Так что когда все четверо, ритмично дыша, вскарабкались по весьма крутой горной тропке, ведущей к дверям довольно большого, но на первый взгляд изрядно обветшавшего дома, никто из них не ощущал себя таким уж уставшим.

– Стой! – коротко скомандовал бежавший впереди Исороку. И куца колонна тут же остановилась.

Адмирал развернулся и, упругим шагом пройдя мимо всех троих, негромко сообщил:

– Сначала офуро¹, затем – легкий ужин и спать. Мы проведем здесь несколько дней, так что время обсудить накопившиеся вопросы – будет. – Адмирал замолчал. Ответом ему были три коротких кивка. Действительно, после столь дерзкого побега надо было некоторое время отлежаться, посмотреть как отреагируют власти, приглядеться к тому, как будет действовать их вновь завербованный агент – Темлин. Не рискнет ли он сдать все их договоренности своему прежнему шефу – Желтому Влиму? Да, в этом случае он терял гораздо больше, чем если бы аккуратно соблюдал все согласованные с ними договоренности, но человеческая душа – потемки. А вдруг он напугался *более*, чем необходимо. Или, скажем, между ним и его шефом существуют иные, неизвестные им договоренности или некие особенные отношения, позволяющие ему надеяться на лучшее даже в случае открывшегося предательства. Ну, или, в крайнем случае, сам Желтый Влим окажется куда как более хитрым и проницательным и сумеет вывести своего помощника на чистую воду. Да мало ли... Их побег так же, хоть и был организован с, по местным меркам, просто запредельным запасом прочности, все равно, как и все в этом мире, не имеет иммунитета от неприятных неожиданностей. Так что и с этой стороны имело смысл переждать и посмотреть насколько все прошло шито-крыто.

Адмирал улыбнулся и широким жестом указал на слегка покосившиеся ступеньки:

– Добро пожаловать... так у вас, кажется, принято говорить, Иван?

Старший лейтенант усмехнулся и, двинувшись в сторону двери, буркнул:

– Ага, только еще хлеб да соль нужны и, это, Ители. В кокошнике.

Ответом ему был громкий гогот, вырвавшийся из трех здоровых, молодых глоток.

* * *

В том укрытом в горах доме они прожили несколько дней. Отто в первый день поворчал по поводу жутко скрипящих ступеней, но Ямамото, привычно улыбаясь, рассказал всем о «соловьиных полах»² в императорском дворце, в Киото, и все согласились, что да – не поме-

¹ Японская ванна.

² Соловьиные полы – японская средневековая система охраны, представляющая из себя специальным образом изготовленный пол, издающий при движении высокие звуки. Предназначалась для исключения незаметного проникновения в комнату охраняемой персоны.

шает. Тем более что, как выяснилось, в этом доме существовал и запасной выход, выводящий в пещеры, ведущий чуть ли не на ту сторону хребта. Во всяком случае, адмирал, когда еще присматривал этот дом в качестве убежища, прошел по нему почти три километра. И, как бы эти предосторожности на этой планете не выглядели излишеством, жизненный опыт всех собравшихся против этого совершенно не протестовал. Пусть будет, а понадобится или нет – жизнь покажет.

Первый день все отсыпались и отъедались. А к вечеру адмирал и русский, как наиболее освоившие специфические приемы поисковиков в Сети, выдвинулись в поселок и, заказав на парковке пару «ковшей», разлетелись в разные стороны. Предстояло прошерстить Сеть на наличие любых упоминаний, связанных с медицинскими изоляторами, и так же любых телодвижений, имеющих отношение к скандалу с Алым Бенолем. Работать было решено с общедоступных «окон», не требующих регистрации индивидуальных терминалов и подальше от места дислокации. На первый взгляд это так же выглядело дутьем на воду, ну да и хрен с ним...

Через три дня, когда стало ясно, что их побег по-прежнему остается тайной как для Симпоисы, так и для широких слоев местной общественности, Ямамото рискнул выйти на связь с Темлином. Тот подтвердил, что все произошедшее удалось сохранить в тайне, в том числе от Желтого Влима, что же касается озвученного ему требования насчет того, чтобы взять под свой контроль все, связанное с проектом Алого Беноля, то тут так же все сложилось самым лучшим образом. Столь резкая реакция общественности и разразившаяся после этого дискуссия оказались для Желтого Влима, как, впрочем, и для остальных членов Симпоисы, полнейшей неожиданностью. Так что Глава Симпоисы в настоящий момент старался максимально дистанцироваться от происходящего и демонстративно умыл руки, передав все расследование в руки специально избранного комитета Симпоисы под руководством Пламенной. Но полностью пустить дело на самотек столь прожженный бюрократ все же не мог себе позволить. Поэтому основным техническим руководителем, на которого возлагались обязанности по организации работы комитета Симпоисы и своевременному предоставлению ему всех необходимых для сего свидетелей, улик и так далее, был назначен именно Темлин. Причем, без каких бы то ни было телодвижений с его стороны.

Впрочем, в бочке этих явно положительных новостей была и солидная ложка дегтя. Дело в том, что среди того набора техники и аппаратуры, который был заказан для проекта, отсутствовал такой ключевой элемент как транспортный корабль, который должен был доставить подготовленное подразделение на Олу. Все, что связано с передвижением за пределами атмосферы Киолы жестко контролировалось Симпоисой, поэтому адмирал с Бенолем не рискнули заказать корабль в то же время, что и остальное оборудование, справедливо опасаясь, что подобный шаг мгновенно привлечет внимание к проекту Беноля. Тем более что корабль им нужен был для Киолы довольно необычный. Ибо те модели кораблей, которые были заказаны для Избранных, адмирала совершенно не устраивали. Избранные собирались прибыть на Олу совершенно открыто и, более того, заранее оповестив находящихся на Оле инопланетников о месте и времени посадки. Так как выбранная ими стратегия требовала, чтобы к моменту прибытия Избранных уже ожидали бы... хм, назовем это «благодарные зрители», на которых они и собирались воздействовать волшебной силой высокого искусства. Адмирал же собирался прибыть на Олу максимально скрытно, со всей доступной маскировкой, и приступать к действиям только обжившись и собрав информацию о том, кто и что им противостоят. Так что руигат был необходим транспортный (ну, или, десантный) корабль совершенно другого типа. Максимально скрытный, быстрый, способный к маневрированию в атмосфере и... это уже была идея адмирала, способный к погружению под воду. Кроме того, он должен был быть банально куда крупнее кораблей Избранных, задачей которых было только доставить их с Киолы на Олу. Руигат же собирались использовать свой корабль еще и как базу снабжения и, во всяком случае, на

первом этапе, – как производственную базу. Вследствие чего корабль должен был иметь еще и достаточные объемы для размещения производственного оборудования и запасов сырья. Так что никаких шансов на то, что воплощение подобного проекта не привлечет самого пристального внимания членов Симпоисы уже с момента заказа на разработку проекта, практически не было. Поэтому с кораблем решили пока подождать. Адмирал из-за соблюдения режима секретности, а Беноль потому, что считал что ему удастся убедить остальных членов Симпоисы поддержать его проект. Потом. Чуть позже. Ну, когда все смогут убедиться, что насилие – это не так страшно, как считалось ранее... Поэтому к настоящему моменту никакого транспортного корабля у руигат не было даже в проекте. И никаких шансов его заказать. Однако как показалось Темлину, эти новости вовсе не показались поводом не то, что для паники, но и для беспокойства.

– Не беспокойтесь, уважаемый, – чуть прикрыв веки, успокаивающе кивнул адмирал. – В свое время мы решим этот вопрос. А сейчас перед нами стоят более насущные задачи...

Закончив беседу с Темлином, Ямомото развернулся к остальным землянам.

– Амаэрасу благоволит нам, – торжественно произнес он. – Первый этап прошел успешно, а перспективы следующего выглядят почти безоблачно.

* * *

Так и получилось, что спустя три дня четверо землян оставили свое убежище в горах и переместились в Тембрниу, крупное поселение-порт, являющееся крупнейшим транспортным узлом на западном побережье континента. Именно в Тембрниу, на одном из закрытых терминалов и были сосредоточены все основные «улики» и «доказательства» чудовищного и попирающего самые основы морали и нравственности жителей Киолы проекта Алого Беноля. То есть все, уже изготовленные в рамках него запасы вооружения, снаряжения и имущества, а так же необходимые для его успешного функционирования на Оле сервисные механизмы.

Поскольку киольцы с очень большой неохотой жили в крупных городах и уж тем более в транспортных и промышленных центрах, свободных площадей для проживания в Тембрниу оказалось до черта. Так что уже спустя несколько часов после прибытия четверо новоиспеченных техников по обслуживанию погрузочно-разгрузочных механизмов и устройств приступили к своим обязанностям в терминалах С23РГ11.223 и С23РГ11.224, располагавшихся как раз через забор от закрытой секции Д-«прим», занятой всем, имеющим отношение к проекту Алого Беноля. Искусственно сформированная социальная система Киолы была столь серьезно «заточена» на то, чтобы создавать максимально благоприятные условия любым желаниям граждан Киолы, захотевшим принести хоть какую-нибудь общественную пользу, что вопрос – а на хрена предельно автоматизированному терминальному комплексу, уже сотни лет вполне себе исправно функционирующему безо всяких техников, понадобилось аж четыре таких, даже не возник. Если гражданин Киолы, вместо того чтобы жрать, спать и трахаться, изъявил желание заняться хоть чем-то еще – ура и виват! Немедленно создаем ему для этого все возможные условия. Ну, если, конечно, они не несут при этом никаких угроз для окружающих, каковое требование в данных условиях соблюдалось стопроцентно. Поскольку в любой из механизмов терминалов была встроена развитая система диагностики, а техобслуживание и ремонт осуществлялись автоматически, как согласно графика, так и по запросу диагностических систем. Так что никаких особенных проблем, которые могли бы возникнуть при обслуживании механизмов механиками, прошедшими обучение только трехчасовым гипнокурсом, возникнуть не могло априори. Ну а мощности малого мобильного погрузчика оказалось вполне достаточно, чтобы не слишком прочная стена между терминалом С23РГ11.223 и располагавшейся прямо по соседству секцией Д-«прим» оказалась аккуратно продавлена. Так что доступ к необходимому оборудованию земляне получили уже на следующий день после того,

как появились в терминалах С23РГ11.223 и С23РГ11.224. Причем, поскольку штатные входные двери и ворота секции оказались закрыты, никаких сигналов о проникновении в секцию никуда не поступило. Киольцам просто в голову не могло прийти, что проникнуть в секцию можно как-то иначе, чем через обычные двери. И вот уже несколько дней земляне были заняты тем, что разбирались со всем, что удалось создать в рамках проекта.

Поскольку до этого трое – Скорцени, Розенблюм и Воробьев – занимались в основном почти только тренировками да обучением личного состава, а адмирал тянул на себе огромный объем планирования и текущее обеспечение, к настоящему моменту из изготовленного им удалось «потрогать руками» только оружие и снаряжение. Для чего предназначено многое из остального они даже и не догадывались. Ну, из каких глубин интуиции может прийти озарение, что вот этот голубовато-серый контейнер содержит оборудование, предназначенное для юстировки дульных фокусирующих кристаллов, а вот эти желтые «катушки» размерами в полтора человеческих роста – пока заглушенные энергореакторы, предназначенные для перезарядки энергобатарей вооружения? Так что все это нужно было еще осваивать и осваивать. Чем они все эти дни и занимались...

* * *

Банг, видимо, был не против и далее развивать тему творящегося за пределами терминала беспредела, но в этот момент за стенами контейнера, в котором торчал Иван, глухо взвыл средний колесный транспортер, а затем послышался громкий рев Отто:

– Эй, *ude*, ты там не уснул?!

– Нет, *nazi*! – взревел в ответ американец, и, скривившись, буркнул: – Вот неугомонный, перекурить нельзя. – После чего сунул ветошь за отворот рукава и вынырнул из контейнера.

Иван тихо рассмеялся. Пару лет назад, когда они только появились в этом мире, подобные обращения непременно привели бы к тому, что эти двое вцепились бы друг другу в глотки, а сейчас... ничего особенного. Вроде шутки.

Ох, как меняется мировоззрение после того, как посмотришь на то, что творится на родимой земле из такого страшного далека! Как много из того, что казалось истиной, причем незыблемой, внезапно оказывается глупостью, а то и просто обманом... Ну да с этим-то они уже все смирились. Но вот друзья, родные, да и как там вообще?

Нет, в том, что фашистского зверя загнали, и уже давно, в его логово и там добились, он ничуть не сомневался. В этом особенно не сомневался даже майор, пусть его нацистские заморочки за это время изрядно трансформировались, а германский патриотизм даже и усилился. Так вот, он уже не сомневался, что Берлин взят, и именно русскими.

Впрочем, за то, во что теперь трансформировался нацизм майора, его бы, пожалуй, собственные соратники по СС вздернули бы на первой же осине. Ну, еще бы – записать в арийцы не только германскую «высшую расу», но еще и «неполноценных» русских, узкоглазых японцев и, уму непостижимо, даже евреев! Причем, с полным пренебрежением к расовой теории доктора Гюнтера. Эта возникшая в нордическом мозгу Отто теория служила постоянным объектом шуточек Банга, но Скорцени первое время отстаивал ее с ярой настойчивостью, утверждая, что Гюнтер идиот, а все эти формы черепа, носа и ушей, а так же цвет глаз и волос – не имеют никакого значения. Вон в руководстве Рейха вообще тех, кто соответствует этим признакам, практически не имеется. И что? Главное – внутренняя сила! Воля! И Долг! Если человек знает, что такое чувство долга, и готов отринуть низменные желания ради чего-то большего, именно он и есть настоящий ариец, «высшая раса».

В этом месте частенько влезал Иван и, рубя воздух ладонью, заявлял, что нечего тут путать, поскольку то, что только что озвучил майор, есть основной жизненный принцип любого коммуниста «Если не я, то кто?» Причем, марксизм-ленинизм с его интернациональным под-

ходом прямо заявлял, что... И тут обычно к спорящим присоединялся Банг и подливал масла в огонь, заявляя, что, например, иудей – это вообще не нация, а вера. И среди евреев встречаются даже черномазые, каковых он, как истинный бруклинец, на дух не переносит, но факт – есть факт. И еще одним фактом является то, что, как сказано в Талмуде, лишь евреи являются избранным народом, что опять же, вкупе с тем, что евреем может быть любой...

Впрочем, все эти споры прекратились уже давно. После того, как Исороку, некоторое время послушав их перепалку, тихо вздохнул и произнес:

– Долг – тяжел как гора, смерть – легка как пух.

Все тогда замолчали и обернулись к адмиралу. Ямамото улыбнулся и пояснил:

– Буси-до. Путь воина. – Он пожевал губами, а потом тихо заговорил: – Вы все правы. И не правы. То, о чем вы спорите, это не только признак арийца, как ты его себе представляешь Отто, или коммуниста, как об этом думаешь ты, Иван, или даже истинного иудея, несущего на себе долг перед семьей, кланом и всем народом... Это – Путь человека. Путь воина. Путь самурая. Все живое вокруг рождается со своими желаниями и предпочтениями. И большинство взрослеет, старится и умирает, даже не попытавшись высунуть носа за пределы круга, очерченного этими желаниями. Большинство – рыбы, растения, животные, птицы, обычные люди. Их желания просты и естественны. Теплый склон горы или теплый дом. Удобренная почва, лес или озеро, полные добычи, либо достаток. Доступная текущая самка или наличие денег на гейш. Вот таков круг их интересов. Все остальное – богатство, драгоценности, шикарный ночной горшок и отдельный слуга для полива, личное авто или пруд в домашнем саду, – всего лишь вариации этой жизни. И только те, кто способен выйти за пределы этого круга и... облечь себя долгом – перестают быть животными. Крестьянин, кроме обработки своего поля, пробивший своей мотыгой дорогу через горы для всей деревни, торговец, бесплатно кормящий и воспитывающий сирот, воин, до конца исполнивший свой долг и защитивший людей от бандитов и убийц... – Адмирал сделал паузу и, привычно улыбнувшись, тихо закончил: – И если мы все понимаем суть, разве так уж важно, как это называется?

Тут за стенкой контейнера послышался какой-то низкий вибрирующий звук, а затем яростные чертыханья Скорцени. Русский вздохнул, яростно потер лицо рукой и вперил сердитый взгляд в развернутый перед ним голоэкран. Так, не время сейчас предаваться воспоминаниям, а ну старший лейтенант Воробьев – собраты и работать! Значит, так: «Для перехода на вторую конфигурацию зарядных токов необходимо набрать на пульте команду DFGHKL и кликнуть по отметке “перейти”»...

* * *

Обедали они в «своем» терминале. Нет, можно было вызвать «ковш» и стонять до ближайшей общественной террасы, здесь, в Тембрниу их было просто море, а вот на территории терминальных комплексов «кубы» отсутствовали напрочь, но работы было столько, что тратить пусть и несколько минут на полет и обратно было жалко. Тем более сколько всего им отведено судьбой времени на то, чтобы разобраться с оборудованием, никто точно сказать не мог. Ну, может, кроме Господа Бога или этой самой все время поминаемой адмиралом Ама-терасу. А это означало, что в любой момент мог прийти сигнал от Темлина или адмирала, что нужно быстро сворачиваться, грузиться и линять в одно из заранее подготовленных Ямамото мест, где существовал шанс на то, какое-то время их не найдут. Но все эти «заранее подготовленные» места располагались почти исключительно в такой глуши, что все неосвоенное там придется осваивать «пеший по машинному» и методом тыка и трех «п» (пол, палец, потолок). Поскольку никакого доступа к Сети, этому уникальному всеобщему путанику/справочнику, там не будет. Сейчас же все непонятности и затруднения разрешались с помощью японца и его подруги. Все время, пока трое землян находились в секции Д-«прим», эти двое сидели за

общественными «окнами» на какой-нибудь из террас Тембрниу, одновременно и контролируя обстановку через предварительно взломанный узел транспортного контроля и находя в Сети ответы на недоуменные вопросы соратников, озадаченных очередным непонятным термином или пассажем в инструкции к новому прибору или механизму. Ну а ближе к трем часам пополуночи либо адмирал, либо Ители, загрузившись в ближайшем «кубе» заказанными блюдами, прилетали в секцию Д-«прим». Вот и сейчас Иван едва успел закончить разбираться с настройками генератора, как глухое рокотание приводов среднего колесного транспортера затихло, а спустя минуту раздался голос Банга:

– Эй, комми, ты там что, решил точно стать этим... как его... а-а, победитель социалистического соревнования! – заржал американец. И сразу же: – Ладно, хорош, Ваня, жрать иди!

На этот раз еду привез адмирал. Иван выбрался из контейнера, сполоснулся и подошел к трапезничающим товарищам к тому моменту, как Банг уже покончил со своей порцией и устроился в тенишке, прихлебывая сэлли из запотевшего стакана. И доставая Ямамото:

– Нет, вот ты мне скажи, адмирал, как это они все так сразу с ума-то посходили?

Японец, как обычно, улыбнулся. Но, поскольку, услышав вопрос американца немец так же прекратил степенно хлебать густой суп и заинтересованно прислушался, да и стоявший рядом с полотенцем на плече Иван так же замер, задумался, а затем заговорил:

– Понимаете, у них здесь, на Киолое, очень интересное, но искусственно созданное общество. Не появившееся в результате эволюции, то есть того, что люди тысячелетиями накапливали свой собственный опыт, шли путем проб и ошибок, нащупывая истину, или, хотя, приемлемую большинством правду, и вот, наконец, все вместе, или, в большинстве своем, выросли... ну или дозрели до того, что мы сейчас видим. Нет... – Адмирал замолчал и слегка наморщил лоб, похоже, подыскивая формулировки. Так бывает. Часто. То есть ты вроде уже все понял, разобрался, а поскольку пока не было необходимости донести это самое свое понимание до других – не дал себе труда доформулировать его до конца. Отлить в четкие и понятные формулировки. А когда необходимость в этом возникла – выяснилось, что и твое собственное понимание так же не полное, а, скорее такое... интуитивное.

То, что мы видим вокруг себя, произошло в результате того, что некая группа людей, наверное, очень умная и знающая, возможно, даже *самая* умная и знающая на то время, решила, что все – она наконец постигла истину. Что для нее не существует никаких, даже самых сокровенных тайн, что именно на них настал конец истории этой цивилизации. И потому они, эти люди, не только имеют право, а просто обязаны предпринять все силы для того, чтобы сделать людей лучше, правильнее, возвышенней. То есть приблизить к полному идеалу. Ну, в том виде, в котором они представляют себе этот идеал... – Тут адмирал бросил быстрый взгляд на двоих, русского и немца, в глазах которых тут же мелькнуло понимание.

Ну да, нечто подобное произошло и у них. В настоящий момент на Земле именно в их странах у власти так же были люди, которые посчитали, что и для них наступил конец истории, что все ясно и понятно, и что наконец постигнута абсолютная истина в том, как устроен мир и человек, а главное – в том, как он *должен* быть устроен. И ничего существенного более открыть и понять невозможно. Да и не нужно. Поэтому пришла пора переделать все человечество по новому, единственно правильному образцу.

Сержант Розенблум же отреагировал на это кривой усмешкой. Уж он-то был абсолютно уверен, что в его стране, созданной людьми, сбегавшими от тирании и гнета, и, как утверждалось в его стране всеми и всегда, ставящих во главу угла именно свободу, для того чтобы построить в новых землях, в благословенной Америке, новую, свободную и справедливую жизнь, никогда не найдется придурков, вздумавших учить других людей как им следует жить...

– Так вот, эти люди действительно были очень умны. И упорны. Поэтому им удалось добиться своих целей. И даже без таких уж больших издержек. То есть без революций, войн и голода, которые всегда сопровождали подобные попытки у нас, на Земле. Впрочем, возможно,

дело было в том, что они просто не торопились. Ибо это произошло не сразу. Мне удалось найти в Сети намеки на то, что этот процесс занял на Оле и Киоле порядка двухсот лет. Да и потом еще несколько сотен лет система оттачивалась и шлифовалась, пока наконец не сформировалась в современном виде. И с тех пор люди живут так, как мы это видим. Не зная голода, почти не зная преступлений, спокойно и беззаботно. – Тут адмирал усмехнулся. – Но и почти не зная побед, не интересуясь ничем, кроме плотских утех и избегая малейших трудностей.

Немец ухмыльнулся:

– Ну да, болото... никому ничего не интересно, кроме того, чтобы такое новенькое надеть, сожрать и с кем-нибудь новеньким трахнуться. Все остальное – только повод почесать язык.

Ямамото кивнул с печальной улыбкой:

– Да, это так. Единственная конкуренция допустима здесь только в творческой и научной сфере. Но и там ее уровень настолько слаб, что самые талантливые и амбициозные современные ученые занимаются лишь интерпретацией уже когда-то достигнутых показателей или поиском новых вариантов использования уже созданных технологий. Что же касается творчества, не смотря на то что достижения в области творчества считаются этой цивилизацией наиболее престижными, реально творчеством в разных формах занято менее одной десятой процента от общего числа живущих на планете. Наукой же, даже такой усеченной и ослабленной, вообще занимаются тысячные доли населения. Остальные... – Адмирал развел руками.

– Хэ, а кто ж обеспечивает все это? – недоуменно спросил Банг, обведя рукой терминал. Иван и Отто обменялись усмешками.

– Машины, старина, механизмы, – хлопнув по плечу американца, сообщил ему Иван.

– Не, ну я понимаю, не дурак, – горячо начал Джо, – ни в «капле», ни, скажем, в иуэле Беноля мы никакого обслуживающего персонала не видели, да и вообще, все эти «кубы», «окна», «шары», они тоже без всякого там обслуживающего персонала работают. Но вообще без людей?!

Адмирал кивнул:

– Тем не менее это так. Для функционирования цивилизации Киолы люди вообще не нужны... то есть, нет, нужны конечно. Чтобы придать существованию этой цивилизации хоть какой-то смысл. Скажем, такой, который имеет присутствие в жилище человека аквариума с золотыми рыбками. Но не более...

– Ли-ихо... – выдохнул Банг и задумался. А Иван шагнул вперед и, ухватив свою порцию, уселся прямо на теплые плиты, приступив к обеду.

– А-а-а, ладно, – махнул рукой Банг, оживая, – все равно я в этой мути разбираться не собираюсь. Если уж эти ребята довели себя до уровня аквариумных рыбок, то Бог им судья. А мне на это по большому счету – чихать! Но мне не понятно, почему это у них вся их благостность вот так сразу пошла кувырком? Вы посмотрите что делается-то...

– Это как раз результат того, что их общество создано искусственно. Без учета глубинных мотивов и моделей поведения, заложенных в человеке, – несколько грустно продолжил Ямамото. – Человек изначально предопределен насилию. Справиться с этой предопределенностью можно двумя путями – либо познакомить его с насилием, научить его контролировать свое и чужое насилие, сдерживать его, противостоять ему. То есть загнать насилие в некие рамки, жестко ограничив его, но и создав возможность где-то и как-то, в определенных условиях, ограниченных законом, моралью, традициями, модой, либо необходимостью время от времени его проявлять. Либо, как они поступили на Киоле – искусственно сделать вид, что его просто не существует.

Исороку сделал короткую паузу, задумчиво выпятил губу, а затем продолжил:

– Это сложно. Очень сложно. Для этого создателям этой системы пришлось пойти на полное разрушение семьи. На почти полное подавление материнского инстинкта у женщин.

Вспомните, семьи как таковые здесь существуют только на Острове, месте, где поселяются местные изгои, которых все остальные считают не совсем нормальными. А в городах и поселениях остальной части плана мы с вами не видели ни одного ребенка... Но иначе было нельзя. На любую даже тень угрозы своему ребенку любая мать *инстинктивно* реагирует насилием.

Трое собеседников адмирала понимающе переглянулись. Действительно в поселениях Киольцев практически не было детей. Но из осторожных расспросов выяснилось, что это отнюдь не запрет, а просто киольцы не очень любят обременять себя детьми. Да и потом, практикуемое большинством непостоянство в связях служило тому, что подавляющее большинство родивших женщин практически сразу после родов передавали детей «на попечение общества», вновь возвращаясь в водоворот неги и удовольствий. Причем, совершенно искренне считая при этом, что специализированные «детские центры развития» обеспечат чадам куда более комфортные условия роста и проживания, чем существование поблизости от любого из родителей.

В принципе, так оно и было на самом деле. Ибо то, что новые поколения киольцев по-прежнему способны не только рассуждать о тонких вкусовых отличиях нового творения Тиэлу или последней постановке Пламенной, но и просто читать, считать и связно выражаться, было несомненной заслугой именно этих центров. С такими родителями, каковыми могли бы стать обычные киольцы, у их детей не получилось бы стать даже просто грамотными...

– Так вот, – продолжил адмирал, – все это могло продолжаться до тех пор, пока насилие оставалось как бы не существующим. То есть, так сказать, невидимым. Но сто лет назад насилие ворвалось в эту столь строго и четко организованную цивилизацию, построенную на столь мастерски поддерживаемой системе иллюзий...

Русский, немец и американец обменялись понимающими усмешками. А что тут было говорить. Иллюзии жизнеспособны только в искусственных, специально созданных условиях. Сталкиваясь с реальной жизнью, они всегда развеиваются как дым.

– Первоначальный шок от Потери был очень сильным. – Голос Исороку звучал слегка приглушенно. Казалось он читает некую книгу... ну, или аналитическую справку. Правда исполненную с мастерством профессионального журналиста или писателя. – Но ситуацию удалось исправить, внося в массовое сознание четкое разделение на «мы» и «они». Мы – результат тысячелетий развития высочайшей цивилизации, а они... – Тут адмирал усмехнулся. Но затем усмешка покинула его лицо и он продолжил: – Однако довольно скоро ситуация начала скатываться в тупик. Ибо если мы результат тысячелетий развития высочайшей цивилизации, причем в *верном* направлении, то даже столкнувшись с чем-то необычным и неожиданным, эта самая высокоразвитая цивилизация должна, пусть и потерпев в начале столкновения некоторую неудачу, все равно явить миру свое преимущество и найти удобный и приемлемый для себя выход из положения. Но вот уже сто сорок лет цивилизация Киолы не может *ничего* поделать с Потерей. На самом деле нынешний проект Пламенной был не первым и даже не десятым. Всего на суд киольцев было предложено около сотни проектов возвращения Потери, шестнадцать из которых были так или иначе приняты к исполнению. Однако лишь неутомимая энергия Пламенной смогла довести действующий на данный момент проект почти до конца. Вернее, – адмирал усмехнулся, – на самом деле до конца.

– То есть? – удивленно переспросил Скорцени. Он единственный из землян когда-то встречался с Пламенной и даже попытался принять некое участие в ее проекте, не совсем, правда, точно представляя его действительную идеологию и рамки, и потому относился к нему весьма ревниво.

– Ну... мы с Ители нашли в Сети косвенные признаки того, что проект Пламенной в последнее время также неким образом должен был быть приостановлен. Что, в рамках действующей на Киоле системе управления, практически означало бы его неминуемое прекращение.

– И? – поощрил адмирала Иван.

Ямамото пожал плечами.

– Похоже, в ситуации, создавшейся после обнародования обвинений против Алого Беноля и последовавшей вслед за этим вспышке насилия, у Симпоисы, а главное, у теневых дирижеров общества Киолы, нет никакой возможности, кроме как продолжить проект Пламенной. Иначе издержки на приведение ситуации с отношением к насилию хоть в сколь-нибудь устраивающие их рамки окажутся слишком велики. Либо эта ситуация вообще выйдет из-под контроля. Но речь не об этом... – Он повернулся к Бангу. – Ты же спрашивал меня почему они пришли в такое возбуждение?

Мастер-сержант кивнул.

– Как я уже говорил, первое столкновение с насилием социальная структура Киолы смогла пережить с не критичными потерями, да еще и растянутыми во времени вследствие того, что это насилие в массовом сознании было очень быстро и умело отделено от самих киольцев. Насилие пришло извне, а киольцам внушили, что вот как раз здесь и сейчас, именно на отношении к насилию и проходит тот рубеж между наследием великой развитой цивилизации и варварством. И удержаться на этом рубеже, не ответить насилием на насилие – и есть самая большая доблесть и честь... ну, или как-то так. – Тут адмирал усмехнулся и всем стало понятно, что он имел ввиду. Да уж, с таким ценностным аппаратом, какой был у большинства киольцев, о какой вообще гордости и чести может идти речь...

– А сейчас произошло нечто немыслимое. Внезапно выяснилось, что продукт столь древней и развитой цивилизации, каковым считают себя киольцы, не только *способен* к насилию, но и что один из могущественнейших умов современной Киолы, многими вообще почитаемый как самый могущественный ум не просто современной Киолы, но и едва ли не всего последнего тысячелетия, посчитал, что это самое насилие киольцам просто *необходимо*. – Исороку замолчал. Банг некоторое время тоже сидел молча, осмысливая все, что сказал адмирал, а потом понимающе хмыкнул:

– Вон оно что... да, тогда понятно, что у них крыша поехала.

– А я вот чего не пойму, Исороку, – задумчиво произнес майор. – Нам-то теперь что делать? Ну ладно, освоим мы здесь все эти генераторы, дубликаторы и так далее. Дальше-то что? Роты – нет. Мы – скрываемся. Программа подготовки пошла псу под хвост. Ты собираешься отправляться на Олу вчетвером и там начинать все по новой?

Ямамото улыбнулся и отрицательно покачал головой. Скорцени несколько мгновений смотрел на него, ожидая пояснений, но адмирал молчал, продолжая загадочно улыбаться.

– Тогда как ты все это... – слегка раздраженным голосом начал немец, но в этот момент из личного терминала Исороку послышался сигнал вызова. Адмирал сделал знак всем замолчать и, бросив короткий взгляд на данные входящего звонка, улыбнулся еще шире, после чего активировал канал...

Глава 4

– Кто ты и чего тебе здесь надо?

Тиэлу несколько мгновений вглядывался в человека, стоящего на пороге вполне себе обычного дома. Он был невысок, но крепок и, главное, его взгляд очень сильно отличался от взгляда обычного киольца.

– Я... Тиэлу, мастер над вкусом и образом.

Взгляд стоящего перед ним человека стал несколько озадаченным, затем изумленным, а потом он ошарашено переспросил:

– Тиэлу... то есть, тот самый?!

Мастер молча наклонил голову. Человек несколько мгновений пялился на него, а затем сглотнул и снова спросил:

– Что вам здесь нужно, мастер?

Тиэлу глубоко вздохнул и произнес:

– Я... хочу быть с вами.

– С кем, с нами?

– С теми, кто собирается отправиться на Олу и вернуть Потерю.

Стоящий перед ним человек нахмурился и осторожно заговорил:

– Мне кажется, что вы что-то напутали, мастер. На Олу возвращать Потерю собираются Избранные. А они...

– Я знаю, – прервал собеседника Тиэлу, – к ним я не хочу. Простите, но я просто не верю в то, что у них хоть что-то получится.

– Почему? – Взгляд человека стоящего перед мастером, мгновенно стал жестким и куда более настороженным, чем прежде. Хотя он и сначала отнюдь не сиял любовью и доверием.

– Потому что те, кто уже подверг насилию невинных и несопротивляющихся, вряд ли ответят чем-либо другим тем, чья задача будет состоять в принуждении их изменить устраивающее их положение. Даже если это принуждение будет использовать максимально ненасильственные формы. А Избранные совершенно неспособны противостоять насилию.

Стоящий перед ним несколько мгновений переваривал сказанные им слова, а затем усмехнулся:

– Эка сказано, мастер! – Он окинул Тиэлу куда более дружелюбным взглядом. – А почему вы все-таки пришли сюда? Кто вам рассказал об этом месте?

Тиэлу опустил глаза:

– Я... мне... он просил никому об этом не рассказывать.

– Совсем никому?

Мастер воткнул напряженный взгляд в стоящего перед ним человека, а затем тихо, едва-едва слышно произнес:

– Только руигат...

Человек еще пару мгновений испытующе смотрел на Тиэлу, а затем шагнул в сторону, открывая проход.

– Входите.

Мастер шагнул вперед и оказался в небольшом коридорчике. Руигат закрыл входную дверь и, развернувшись к Тиэлу, виновато улыбнулся:

– Извините, но чтобы пропустить вас дальше, я должен удостовериться, что тот, кто вас сюда направил, действительно вас сюда направлял. Итак, как его зовут?

Тиэлу ответил. В глазах руигат мелькнуло изумление.

– Но, как вы... – нерешительно начал он.

– Он сам попросил меня об услуге. Ему надо было зачем-то встретиться с Серым Киреем.

– Понятно. – Руигат быстро пришел в себя и понимающе кивнул.

– Ну, я в ответ попросил его позволить мне попытаться стать руигат.

Стоявший у двери руигат задумался.

– Пожалуй... я не буду проверять ваши слова. Это не совсем по правилам, но я уверен, что вы сказали правду. Прошу вас, проходите. Должен вам сказать, что вам повезло и вы были практически в последний момент. Мы вот-вот отправляемся.

* * *

Обстановка внутри оказалась довольно скудной, что было вполне ожидаемым. Ибо дом был простроен в стиле «эшателе», разработанном еще около двухсот лет назад Киноэлем Темри, лидером «кинокистов» – философского течения, призывающего к максимальному отказу от «цивилизационной скверны» и возвращению к духовным истокам естественного существования. Говорят, на самой заре своей идеологии Киноэль Темри ходил голым, жил в пещере и питался насекомыми. Да и еще гадил где ни попадя, утверждая, что поступает «естественно», вследствие чего ни одно поселение не было способно выдержать пребывание «светоча разума» и «учителя истинных ценностей» более полугода. А первые требования насчет того, чтобы спровадить столь могучий разум куда подальше, начинали звучать в поселениях и вообще день на третий после прибытия последнего. Сразу после того, как пара-тройка жителей вляпывалась в кучку оставленных великим Киноэлем прямо на центральной площади или главной улице поселения какашек.

Впрочем, несколько позже Темри слегка смягчился, перестал требовать от последователей такого уж предельного отрицания всех достигнутых цивилизацией благ и собственноручно разработал вот этот самый проект «эшателе», по большому счету представляющий собой обычный шалаш, но выполненный на вполне себе нормальном технологическом уровне. То есть с водой, туалетом и ковцеом. Но такие достижения цивилизации, как внутренние стены, в нем совершенно отсутствовали. Как, впрочем, и многое другое. Например, кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.